

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**ШКОЛЬНАЯ
БОЙНЯ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Школьная бойня

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Школьная бойня / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2022 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-175659-8

Встреча выпускников школы, которую когда-то окончила жена полковника Гурова, обещала быть теплой. Но в самый разгар веселья случилась трагедия. В одном из кабинетов был обнаружен мертвым учитель истории Олег Шлицман. Экспертиза установила, что причиной смерти стало отравление. Но кто мог это сделать, ведь на празднике были только свои? Сыщики Гуров и Крячко спешат установить преступника по горячим следам. Но дело неожиданно оказывается намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. А историк Шлицман – лишь первая жертва в длинном списке неизвестного злодея...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175659-8

© Леонов Н. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Школьная бойня	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Леонов, Алексей Макеев

Школьная бойня

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

ШКОЛЬНАЯ
БОЙНЯ

Москва
2 0 2 2

Школьная бойня

Глава 1

- Полковник Гуров слушает, – произнес в трубку Лев Иванович.
- Да что вы говорите? – ответила супруга Гурова, Мария.
- Вы как с представителем закона разговариваете?
- Вежливо. Пока.
- Не заметил.
- А вы, Лев Иванович, многого не замечаете.

Гуров повернулся к своему коллеге и давнему верному другу Стасу Крячко боком. Покидать кабинет во время телефонного разговора Лев Иванович не посчитал нужным, потому что разговор с супругой не требовал соблюдения строгой секретности. А еще Мария была прекрасно знакома с самим Крячко, который, на миг подняв голову, хмуро взглянул на напарника и снова занялся своими делами.

- Ты же не опоздаешь?
  - Нет, – уверенно заявил Гуров и посмотрел на свое обручальное кольцо. – А ты?
  - А я буду ждать. Как всегда. Как верная жена.
  - Почему «как»?
  - Потому что читать монолог Катерины из пьесы «Гроза» молодым циникам я бы не рекомендовала. Слишком волнительно для них.
  - Представь, что перед тобой мудрые старцы.
  - Даже представлять не стану. Именно таковыми они себя и считают.
- Стас снова посмотрел на Гурова. На этот раз нетерпеливо, даже раздраженно. В ответ Гуров выставил вперед указательный палец, давая понять, что ему нужна пара секунд, не больше.

- Пойду, – вздохнул он в трубку. – От Стаса тебе, как всегда, горячий и сердечный.
  - Не ври, Гуров. Но и ему мой пламенный, конечно.
  - Собирайся.
  - Только тебя и жду.
- Телефон лег под монитор. Крячко молча проследил за этим движением.
- Куда-то собрались? – небрежно поинтересовался он.
  - На выпускной.
  - И кто же из вас окончил школу?
  - Мария. Сто лет назад.
  - Чайку, что ли, дернуть? – Стас задумчиво посмотрел в окно. – Вот, понимаешь ли, вечно мучаюсь этим вопросом. Хочется чаю, но на улице жарко, как в аду. Но хочется чаю. Но жарко.
  - Пей воду, – посоветовал Гуров, склоняясь над бумагами. – Говорят, полезно.
  - И много ты той воды выпил?
  - И не сосчитать. Протокол допроса Дьяченко у тебя?
  - Нет, не видел.
  - Поищи, а? Не вижу его в этой куче.

Разбираться с документами для них обоих было сушей пыткой. Привыкшие думать головой, а не копать в писанине, оба каждый раз страдали, получив поручение от своего начальника генерал-майора Петра Николаевича Орлова навести порядок «в этом вашем бардаке». Причем иначе Орлов не выражался, даже если делопроизводственная составляющая их работы

находилась в полном порядке и в принципе считалась неотъемлемой и очень важной частью следственного процесса. Но нет – Орлов требовал все перепроверить еще двадцать тысяч раз, прежде чем отправить в нужные инстанции.

– Помню свой выпускной, – усмехнулся Крячко. – Мать моя, какими же мы были наивными!

– И время было другим, – подсказал ему Гуров. – Трава зеленее, хлеб вкуснее, помыслы чище, цены ниже, да?

– И девушки выглядели иначе. А разве не так, Лева?

– О! Протокол допроса Дьяченко! – радостно объявил Гуров, выхватив из пачки бумаг документ. – Думал, что посеяли. Мы тоже выглядели по-другому, если помнишь.

– Я в тот вечер хотел одному парню рожу набить, – мечтательно продолжил Крячко. – Доставал меня в последний год знатно. Прямо мечтал ему при всех зубы пересчитать, и ничего бы мне за это не было бы.

– Пересчитал?

– Пересчитал. Но не ему, а другому.

– Ужас.

– Дай, – протянул руку Стас.

Гуров послушно вложил в его пальцы протокол допроса. Стас тут же отправил его в папку.

– А в какой она школе училась? – спросил он. – Не в какой-то там специально-театральной?

– Обычная школа, кажется, – пожал плечами Гуров. – Я не уточнял. Но – старая. Ей лет сто, кажется. Не самой школе, а зданию. Школа номер двадцать три, в самом центре Москвы, рядом с Садовым кольцом. Маша говорит, что в этом году она закрывается, а здание снесут. Теперь вместо нее будет то ли лицей, то ли гимназия... не помню. Этот выпускной станет последним в ее стенах. По такому случаю приглашены почетные гости. Ну а жена, сам понимаешь...

– Мария у нас звезда, – кивнул Крячко.

– Ну вот и я о том же. К шести должен быть дома, иначе у меня будут проблемы.

– Будешь.

Через минуту Крячко отправился к секретарю Орлова клянчить сахар, потому что в шкафу его не оказалось, а чай без сахара он не пил принципиально. Гуров же с головой ушел в документацию.

Генерал-майор Орлов вернул их к жизни где-то через час. Время к тому моменту перевалило за полдень, и солнце палило вовсю. Не спасал и кондиционер, который рабочие повесили таким образом, чтобы он дул непременно кому-то в спину, и не важно, в каком углу сидели в этот момент Гуров или Крячко. Поэтому на помощь уже который год приходил старенький, но очень мужественный напольный вентилятор, который, вращая своей круглой плоской «башкой», как выражался Стас, равномерно обдувал обитателей кабинета.

Орлов зашел в кабинет и тут же, стоя на пороге, отвлекся, заметив кого-то в коридоре. Дверь при этом осталась приоткрытой, и по кабинету из-за распахнутого настежь окна прошел сквозняк. Все документы, лежавшие на столе, тут же встали дыбом.

– Закрывай, Петр Николаевич, – взмолился Гуров.

– А? – повернулся к нему Орлов. – Кого?

– Да никого. Дверь, говорю, прикрой, а то сейчас все бумаги улетят, – нетерпеливо повторил Гуров и посмотрел на заваленный бумагами стол.

Орлов поспешно шагнул в кабинет. Дверь закрылась. Бумаги, потанцевав, улеглись на место.

– Работаете, – констатировал генерал-майор.

– Как и было велено, – отчитался Крячко.

– Гуров, а ты что же, с понедельника в отпуск уходишь?

– Хотелось бы, – ответил Лев Иванович и, начиная догадываться, недоверчиво покосился на начальника. – Ну нет, Петр Николаевич. Только не говори, что ты без меня жить не можешь.

– Живи, – разрешил Орлов. – Я на Крячко отыграюсь. Слушай, Стас, надо бы помочь. Василевского взяли, а он у тебя где-то маячил год назад. Подними дело, а то там следаки ждут.

Гуров не торопился возвращаться к работе. Убийца и насильник Василевский, которого в последний раз видели в Челябинске три года назад, на днях был замечен в Москве, в компании, по-видимому, своей будущей жертвы. По старой традиции он знакомился с женщиной, втирался в доверие, становился практически мужем, но перед самой свадьбой внезапно исчезал, оставляя за собой искалеченный труп и банковские счета, по которым гулял ветер. Выйти на Василевского было крайне сложно, так как был он ловчее змеи и предугадывал каждый шаг полиции как минимум за несколько дней. Симпатичный широкоплечий мужик обладал мощной харизмой и отличным чувством юмора, а также умел обаять любого, будь то проводник поезда или охранник в торговом центре – что уж говорить о его жертвах, которых он очаровывал на раз и два?

Схватили, значит. Услышав эту новость, Гуров вспомнил, как сильно хотел пообщаться с преступником, покидая его последнее место преступления. Небольшая квартира в Митино после его ухода напоминала кадры из фильма ужасов. Жаль было его невесту, которой накануне исполнилось двадцать семь лет. Наверняка девушка строила планы на будущее и благодарила Бога за то, что встретила такого надежного парня. Надежным Василевского называли все, кто был с ним когда-либо лично знаком. На него действительно можно было положиться. Умел и гвоздь забить, и решить вопрос с несговорчивыми соседями. А ведь зачастую только это и нужно женщине. Ну и любовь, конечно. В комплекте чтобы.

– Может, захочешь с ним поговорить, Лева? – Орлов посмотрел на Гурова.

– Да нет, – тряхнул головой тот. – Пусть Стас им занимается. А я все. Я в отпуске. Никто не против?

Крячко мотнул головой. Орлов, словно ставя точку в разговоре, кашлянул и вышел из кабинета.

Гуров, купив по дороге букет цветов, отправился домой. Поднимаясь на лифте на свой этаж, он подумал о том, что события так часто меняются, что не успеваешь перепрограммировать мозги. Только что он допрашивал серийного убийцу, через пять минут одарит цветами любимую женщину, а еще через некоторое время окажется в школе.

Разумеется, он отправился вместе со Стасом в следственный изолятор, чтобы посмотреть в глаза Василевскому и задать ему несколько вопросов. Ну что же, он их задал. И даже получил ответы. И лишь только убедившись в том, что преступник находится в надежных руках, решил, что рабочий день на сегодня окончен. Он взглянул на часы и понял, что опаздывает.

Маша встретила его не на пороге – с кухни доносился кофейный аромат, с примесью ноток терпких духов Маши. Чтобы предотвратить бурю женского гнева за опоздание, он сразу же пошел на кухню. Маша стояла возле плиты, спиной к двери и на шаг мужа не обернулась.

«С Богом», – подумал Гуров и поднес букет к ее правому уху.

– Стас звонил, – будничным тоном произнесла она, повернулась и попала лицом в ароматные розы. – Спасибо.

– А зачем он звонил? – поинтересовался Гуров.

– Просил тебя заскочить в понедельник на работу. Ты ключи от сейфа забыл оставить.

Она наконец-то повернулась к нему. Сияющая, вся какая-то «заграничная», будто бы сошедшая с экрана фильмов девяностых, но не в смысле некоей старомодности, а в том, что

она спустя годы до сих пор казалась ему недостижимой. Неземной. Прекрасной. Господи, какая пошлость.

– Мог бы сам мне сообщить.

– Сказал, что ты не возьмешь трубку.

– Это там кофе, да? – вытянул шею Гуров.

– Щи на дорожку сварила, – с сарказмом ответила Маша, забирая у мужа цветы. – Красивые. Но долго не простоят.

– Я быстренько в душ, а потом поедем.

Школа, посетить которую их пригласили, находилась недалеко от дома, но в силу того, что самый короткий путь, ведущий к точке назначения, был перекрыт традиционно проводимыми летом дорожно-ремонтными работами, то до места пришлось добираться на такси. Ехали полукружьями, и Гуров, наверное, впервые по-настоящему удивился тому, насколько сильно изменилась за последние годы Москва. Украшенная новостроем, теперь она казалась ему чужим городом, невзирая на то что старинные постройки все еще стояли на своих местах. Их не сносили, но за крепкими дубовыми дверьми уже обитали не жильцы, а работали сотрудники обычных государственных поликлиник или частных фирм по установке и ремонту кондиционеров.

Явиться нужно было к девяти часам вечера. Во время поездки Маша, выбравшая для визита длинное черное платье, нервно теребила ремешок кроваво-красной сумочки. Ночь обещала быть жаркой, но Гуров все же надел костюм – уж слишком не к месту было бы явиться на школьный праздник в джинсах и футболке.

– Не могу поверить, Лева, что когда-то я добиралась до школы на метро, – произнесла Маша, взглянув на мужа. – Всегда торопилась, всегда выходила из дома пораньше и всегда опаздывала.

– И тебя всегда за это ругали, – вспомнил Гуров.

– И каждый раз я сильно расстраивалась. Теперь живу с комплексом. Если задерживаюсь, то начинаю паниковать.

Это было сущей правдой. Актриса Мария Строева была не просто пунктуальной, а жесткой во всем, что касалось всевозможных графиков и договоренностей. Потому-то Гуров и шел этим вечером домой, молясь о том, чтобы жена не уколошила его за опоздание. И очень удивился, когда понял, что ругать его не будут.

– Ты когда там выступаешь? – вспомнил Гуров.

– Сразу после торжественной части, – сказала Маша. – Не понимаю, зачем и кому это нужно. Но – попросили. Нынешний директор. Я его почти не помню. Когда я окончила школу, он только пришел в школу на должность то ли завуча, то ли учителя. Не помню, кого именно. Немирович его фамилия.

– И много там будет таких, как мы?

– Полагаю, да. Немирович сказал, что в этом году школа отмечала юбилей. Ее, оказывается, построили восемьдесят лет назад. Сказал, что отметили скромно. Если бы знали, что школа существует последний год, то устроили бы настоящий съезд знаменитостей. Но о том, что саму школу переформируют в гимназию, а здание снесут, стало известно только этой весной. Потому-то и выпускной вечер решено провести именно в здании школы, а не в ресторане. Отдать честь, так сказать...

– Печальная история, – заметил Гуров и тронул водителя за плечо. – Остановите возле остановки, пожалуйста.

Маша удивленно посмотрела в окно.

– Лева, нам рано выходить.

– Дойдем пешком.

Места эти были Гурову уже хорошо знакомы. Он вспомнил, где находится школа, добраться до нее было удобнее именно своим ходом, а не на машине.

– Ну ладно, – согласилась Маша.

Такси плавно свернуло в сторону автобусной остановки и, проехав вперед несколько метров, мягко притормозило возле тротуара. Маша, не дожидаясь мужа, первой вышла из машины.

– Хотел галантно открыть тебе дверь, подать руку, – не выдержал Гуров. – Все испортила.

– Когда я в школу ходила, то руки мне никто не подавал, а тяжелые двери сама отворяла, – ответила Маша, беря супруга под руку. – Ты прав. Лучше пешком.

Они перешли по подземному переходу на другую сторону Садового кольца, повернули налево и оказались в узком переулке. С обеих сторон над ними нависали фасады «сталинок» с лепниной под оконными проемами. Стемнело, и в некоторых окнах уже включили свет.

– По прямой. Школа как раз за этими домами. Семь минут, если бегом, – улыбнулась Маша. – А если идти спокойно, то я даже не знаю сколько. Постоянно неслась куда-то как угорелая.

По переулку в сторону школы медленно проехал серебристый «Понтиак». Гуров пристально посмотрел ему вслед.

– Что-то мне подсказывает, что это тоже выпускник. Бывший.

Следом за «Мерседесом» покатился «БМВ». За ним, как по заказу, проехал точно такой же автомобиль.

– А мы с тобой в чем-то понятии нищebroды, – рассмеялась Маша. – Пешком добираться.

– Ноги в кровь стерли. Слава богу, по нам не видно, что мы тоже приглашенные, – возразил Гуров.

– Правда? – Маша кивком указала вниз, на подол своего платья, который все время придерживала повыше, чтобы он не касался земли. – Благодарю бога, Гуров, что я надела удобные туфли, иначе бы ни за что из такси не вышла.

Дорога шла в горку. Угол подъема был небольшим, но этого хватало, чтобы увидеть впереди четырехэтажное здание, отделанное красным кирпичом. Наверняка оно и было тем самым местом, где Гурову предстояло провести ночь. Здание было типовым, такие в Москве еще остались, но в небольшом количестве, остальные были снесены из-за ветхости и за ненадобностью. На их местах выросли суперсовременные учебные комплексы, где дети чувствовали себя более комфортно.

Гуров рассмотрел высоченную ограду, состоявшую из тонких стальных прутьев. Кованые ворота в ней были распахнуты, и именно через них въезжали на территорию школы автомобили. Подойдя ближе, Лев Иванович насчитал шесть иномарок, припаркованных вплотную к стене.

Занавески в школе отсутствовали, их не было ни в одном окне, что позволяло без труда наблюдать за тем, что происходило внутри.

– На первом этаже столовая и спортивный зал. На втором – кабинеты, учительская, а вот на третьем, кроме кабинетов, еще и актовый зал, и библиотека. А на четвертом располагалась начальная школа. Там учились малыши с первого по третий класс. Ох, Гуров, как же я, оказывается, все это хорошо помню.

Они подошли к главному входу, к которому вела неширокая лестница в пять ступеней. Маша, подобрав подол платья повыше, ступила на самую нижнюю из них, и Гуров, придерживая жену под руку, внимательно смотрел не только себе под ноги, но и под ноги жены. Мало ли что...

Стоило им оказаться внутри здания, как к ним тут же подошел невысокий мужчина с раскнутыми руками. На вид ему было больше пятидесяти, выглядел он полноватым, но,

вероятно, желание казаться молодым и спортивным заставило его облачиться в светло-серый костюм, который ни черта ему не шел.

– Добро пожаловать, дорогие мои! – пропел мужчина, смыкая руки на пальцах Маши. – Мария Строева, выпуск, если не ошибаюсь...

– Не будем про год выпуска, – рассмеялась Маша. – Мария Строева. Да, вы не ошиблись. Мужчина с любопытством взглянул на Гурова.

– А я муж, – представился Лев Иванович, протягивая руку. – Строев моя фамилия.

Маша слегка толкнула супруга плечом. Мужчина в светло-сером костюме пожал Гурову руку и отступил на шаг назад.

– Немирович Вячеслав Иванович, – объявил он. – Директор школы.

– Это вы мне звонили! – воскликнула Маша. – Как мило.

– Каждого приглашал лично, – подтвердил Немирович. – Только так. Не рассылкой же по электронной почте людей заманивать.

– Действительно.

Гуров, услышав шум подъезжающей машины, взглянул в окно и заметил паркующийся недалеко от въездных ворот полицейский «Форд».

– Охрана прибыла, – заметив интерес Гурова, пояснил Немирович. – Теперь только так – с полицией, по всем правилам. Вы позволите?

Он вышел на улицу. Гуров саркастически сказал:

– Какой душка.

– Перестань, пожалуйста, – одернула мужа Маша. – И куда нам теперь идти? Ладно, сама решу, если уж нам ничего не объяснили.

Она смело пошла вперед. Слева показалась лестница, ведущая на второй этаж. На самом верху она раздваивалась, а в самом центре лестничной площадки стояла женщина, которая, несомненно, тоже работала в этой школе, потому что именно так выглядели учителя в юные годы самого сыщика. Широкая шерстяная юбка, вишневая водолазка и непременно бусы. Вот хоть убей, но – бусы! Круглые такие бомбошки, чтобы «под янтарь». А еще растрепанная прическа, сооруженная в начале дня, но не дожившая до его финала.

– Тамара Георгиевна! – обрадовалась Маша и пошла вверх по лестнице. – Тамара Георгиевна, боже мой!

Гуров не торопился следом, смысла в этом не было. Маша встретила кого-то из своих учителей. Значит, сейчас минут пять будут объятия, хватания за руки, ошупывания и вопросы, ответы на которые забудутся через секунду.

– Учительница русского языка и литературы, Лева! – продолжала радоваться Маша. – Тамара Георгиевна была первым человеком, который сказал, что когда я читаю вслух, то она мне верит. По Станиславскому.

– Маша, Машенька, – чуть не плакала, расчувствовавшись, учительница. – А я сразу узнала тебя. Совершенно такая же. Абсолютно! Только под руку с мужчиной! И взгляд такой... осмысленный.

– Это мой муж, Лев Иванович, – представила Гурова жена. – Да, вы правы, Тамара Георгиевна. Уже сколько лет я держу его под руку.

– И не сосчитать, – тактично кашлянул Гуров.

– Я так рада вас видеть, – учительница неловкими движениями принялась заталкивать обратно в прическу выбившиеся пряди. – Простите за мой вид, я тут с утра, а еще выпускной.

– Вы совершенно не изменились, – уверила ее Маша. – О, ну не надо.

Тамара Георгиевна, шмыгнув острым носом, приложила пальцы к глазам. Маша поймала взгляд Гурова и подала знак уйти. С огромным облегчением Гуров послушался ее и, выдавив из себя вежливое «Еще увидимся», немедленно поднялся на второй этаж.

Здание вовсю готовилось к сносу. Снаружи это было совершенно незаметно, но изнутри все выглядело грустно. Под потолком торчали оборванные провода, а сам потолок покрывали серо-желтые пятна многочисленных протечек. Напольные плинтуса уже были сняты, вдоль стен были небрежно сложены старые немодные школьные парты и стулья.

– Здание доживает последние дни, – раздался за спиной Гурова чей-то голос, а в следующее мгновение его обладатель оказался рядом. – Финита ля комедия. Других слов просто нет.

Подошедший приходился Гурову ровесником или что-то около того, но ростом был выше на целую голову и легче килограммов на десять. Высокий и худощавый, одетый не празднично, а в старые джинсы и выцветшую серую футболку. Но самым удивительным оказалось то, что на плечи он набросил свитер, который при нынешней жаре выглядел совсем неуместно. На родителя он не тянул. Но к школе имел отношение и, скорее всего, прямое, потому что выглядел – Гуров потом не раз вспоминал это ощущение – на своем месте – точнее нельзя было и выразиться.

– Вы – отец? – повернул голову в сторону Гурова незнакомец.

– Нет.

– Выпить хотите?

– Вы же шутите?

Лев Иванович растерялся. Мало того, что он всего ничего провел в этом месте, но сколько событий! Даже радостный мужик в нелепом костюме, напоминающая пыльную мумию учительница русского и литературы, а теперь еще и алкаш, который выполз невесть откуда. В том, что у человека, предложившего ему выпить, были крепкие отношения с алкоголем, Гуров заметил сразу по характерному запаху изо рта и красноватым белкам небольших серых глаз.

– Гуров, – протянул руку Лев Иванович.

– Шлицман, – тут же подал свою ладонь мужчина. – Учитель истории. Краевед. Любитель прошлого. Консерватор в каком-то смысле. Все современное принимаю с трудом, так как вынужден.

– Полковник. Уголовный розыск, – представился Гуров. – Вы не похожи на учителя.

– Да неужели? – восхитился историк.

– Уже отмечаете? – Гуров выразительно провел пальцем по горлу.

– Еще и не начинал, – холодно улыбнулся Шлицман. – Но стоило бы.

– Будете скучать? – спросил Лев Иванович, решив, что понимает, в каком состоянии находится новый знакомый.

– Вот по этому? – Шлицман крутанул шеей, отчего его голова описала полукруг. – А по чему здесь скучать-то? Вы видите здесь что-то такое, без чего будет сложно прожить?

Гуров не знал, что ответить. Появление Маши спасло бы его от разговора, которого он совсем не желал. Что он мог знать про школу? Только то, о чем поведала жена. Старое здание, скоро снесут. Все.

– И вы из тех, кому, конечно же, не наплевать, да? – ехидно прищурился Шлицман. – Понимаю. Нет, правда. Умирает не эпоха, как это принято говорить. Умираем мы. Вот прямо здесь и сейчас.

«Интересно, его кто-то уже видел в таком состоянии? – мелькнула в голове Гурова мысль. – Или мне стоит сообщить о нем директору?»

Задав себе эти вопросы, Гуров поморщился. Он тут гость. Не его дело. Но предупредить кое-кого все-таки стоило бы.

– Прошу меня простить, – улыбнулся он и развернулся, чтобы уйти, но новый знакомый быстрым движением руки коснулся его плеча. Гуров обернулся.

– Не бойтесь, – произнес Шлицман. – То, что вы увидели, никого не удивит. Я, так сказать, начал панихиду раньше других.

– Уверены, что проблем не будет?

– Даю слово, – поднял руку учитель и прислушался.

Гуров сделал то же самое. Негромкий голос Маши заставил его вопросительно взглянуть на историка.

– Заместитель директора, – констатировал Шлицман. – Хорошая женщина. Прекрасный педагог, но как психолог просто никакая.

– Она еще и психолог?

– Каждый из нас психолог. Каждый считает себя специалистом по чужим ощущениям и уверен, что смог бы приручить любого внутреннего демона. А своих демонов считает самыми страшными. Так что, не решились?

Шлицман завел руку за спину и показал Гурову четвертушку коньяка «Старый Кенигсберг».

– Прекрасно влезает в задний карман, – усмехнулся он. – Хотя, если честно, прятаться мне не от кого. На этом этаже только я. А само торжество будет проходить на третьем. Это выше.

– Я так и понял, – ответил Гуров.

Шлицман отвинтил с бутылки крышку и, запрокинув голову, отпил. Коньяк булькнул, а Шлицман, пожевав мокрыми губами, вернул пробку на место и снова спрятал бутылочку в задний карман своих потрепанных джинсов.

Удивительный момент – Гурову понравился этот человек. Чувствовалось, что он далеко неглуп, совершенно не агрессивен, как это часто бывает с теми, кто был застукан на месте преступления, но главное, что Шлицман не гнул пальцы. Он принял Гурова за своего, опять же, не по причине того, что искал собутельника, а исходя из умения остаться вежливым в сложной для него ситуации. «Воспитанный, – отметил Лев Иванович. – Жаль, если заметут. А ведь так и будет. Он уже нетрезв, а впереди еще долгая ночь в компании других».

На лестнице послышались шаги. Маша с учительницей поднимались по ней и вскоре зашли на второй этаж. Тамара Георгиевна, увидев учителя истории, резко остановилась и с осуждением качнула лохматой головой.

– Олег Алексеевич? – понизив голос, угрожающе произнесла она.

– Тамара Георгиевна? – широко улыбнулся в ответ Шлицман.

– Вы уже закончили тут?

– Еще нет.

– Ну так давайте же.

– Непременно.

– А что еще осталось?

– Карты и атласы. Кинопроектор, бобины с пленками. Диафильмы, которые мне приказали выбросить, но я отказался это делать. Портреты, книги.

– Помощь не нужна?

– Упаси боже. Все сам сделаю.

– Делайте, Олег Алексеевич, – заключила заместитель директора. – Я попозже найду.

Гуров понял: то, что он посчитал за чужой секрет, давно таковым не являлось. Зря Шлицман назвал замдиректора плохим психологом. Плохой психолог сейчас бы поспешно увел гостей подальше от поддатого коллеги, отвлек бы от него внимание любым способом, что выглядело бы хоть и объяснимо, но вызвало бы у посторонних ненужный интерес, но заместитель директора встретила опасность с открытым забралом. Она задала коллеге абсолютно будничные вопросы, тем самым показывая, что ситуация не требует проявления повышенного внимания, потому не все в курсе, что здесь происходит. Иными словами, не происходит ничего из ряда вон выходящего.

Шлицман скользнул взглядом по лицу Маши и пошел к повороту за угол – туда, где, по-видимому, располагался коридор. Сворачивая, он обернулся, снова посмотрел на Машу и остановился.

– Не помню вас, – с вызовом сказал он. – Как ваша фамилия?

– Она вам ничего не скажет, – тут же нашлась Маша. – Я выпустилась раньше, а вы пришли сюда работать уже потом. Я вас тоже не помню.

– Олег Алексеевич сменил Инну Яковлевну, – заместитель директора тут же взяла нить разговора в свои руки. – Маша, ты должна ее помнить.

– Конечно, – улыбнулась Маша. – Это ее вечное «Как можно не знать, когда родился кардинал Ришелье?!» Она просто бредила Францией.

– Он родился девятого сентября одна тысяча пятьсот восемьдесят пятого года, – все так же стоя вдалеке, произнес Шлицман. – Интересные дела: он правил в следующем веке, уже в семнадцатом. Начал в двадцать четвертом году, а закончил в сорок втором.

После этих слов он скрылся из вида. Маша вытаращилась на историка. Гуров тоже молча внимал происходящему. И только замдиректора быстрее всех пришла в себя. Она подхватила Машу под руку и потянула ее в сторону лестницы.

– Актовый зал этажом выше, это не здесь, а здесь все уже разобрано, вы же сами видите, мы просто не успели убрать, столько дел, но директор решил, что это не имеет значения, тут ведь все свои будут...

Она старалась заговорить их и увести туда, где все пристойно и в лучших традициях. Гуров посмотрел на то место, где только что стоял учитель истории, и последовал вслед за супругой.

Интересное начало. Живое и многообещающее.

Глава 2

Заместитель директора вскоре оставила Гурова и Машу вдвоем. Ей кто-то позвонил, и она умчалась по своим делам, извинившись и пообещав увидеться в скором будущем.

Маша, оставшись с мужем наедине, заметно оживилась. Она схватила его за руку и потащила к первой попавшейся открытой двери.

– Здесь нам преподавали алгебру и геометрию. А дальше будет непонятная комната. Помню, что в ней то ли совет дружины собирался, то ли в комсомол принимали. У нас был старший пионервожатый, Костя его звали. Всегда ходил с таким лицом, словно под стенами Мавзолея стоял. Я была классе в пятом, когда он приходил к нам в класс и втирал всякое такое про пионерию, Ленина, революцию и остальное. Мы его боялись, он как будто бы неземным был. Ну знаешь, каким-то как не от мира сего. Не в том смысле, что странным, а в том, что возвышался над нами во всех смыслах. Не поверишь, но даже у учителей, когда они с ним разговаривали, менялось выражение лица.

Гуров помнил то время. Он был старше жены на несколько лет, но разница в возрасте позволяла им иметь общие воспоминания. Особенно школьные.

– И у нас был такой человек в школе, – вспомнил Лев Иванович. – Только эту должность занимала девушка, которая уже окончила школу. Светлана. Надо же, как сейчас помню.

Они медленно шли по коридору, попутно заглядывая в каждое помещение. Здесь, на третьем этаже, все пока что было цело и не разобрано. В кабинетах стояла мебель, на полу не валялись обрезки проводов. В самом конце коридора виднелись распахнутые двери, откуда доносился гул голосов. Гуров понял, что это и есть актовый зал, где уже всю готовятся к проведению выпускного. Маша тут же подтвердила его догадки.

– Нам туда, – произнесла она и подхватила мужа под руку.

– Может, домой? – взмолился Гуров. – Скажем потом, что не нашли актовый зал и ушли.

– Я обещала, – извиняющимся тоном произнесла Маша. – Осталось потерпеть совсем недолго. А потом, когда вся эта лабуда с торжественной частью закончится, можно будет расслабиться. Да брось, Лева, все будет нормально.

Они зашли через широкий проход в актовый зал, который оказался большим. В его пространство вписали сцену, довольно широкую, украшенную воздушными шарами и плакатами с блестящими надписями: «Спасибо всем, кто нас учил!», «Наши учителя – лучшие!», «Не забудем нашу школу!» Похожие лозунги можно было обнаружить на каждой стене.

Выпускников и гостей более старшего возраста к этому часу набралось прилично. Актовый зал был уставлен стульями, многие места были заняты. Недавние школьники выделялись яркими и смелыми нарядами и вели себя довольно раскованно, а вот взрослые стеснялись. Гуров и сам, оказавшись посреди чужого праздника жизни, почувствовал себя неловко, тем более что Маша, едва войдя в зал, практически сразу же потянула его в дальний угол, где под окнами сидела компания женщин и мужчин.

– Это мои, Лева. Мои! – бросила Маша Гурову. – Ой, господи. Мои же!

Гуров был вынужден отпустить руку жены, и она тут же о нем забыла. Придерживая подол платья одной рукой, другой она уже всю махала бывшим одноклассникам, которые ее сразу же узнали. Маша обняла каждого, затем представила Гурова как любимого супруга, а потом снова о нем забыла. Странно, но Машу встретили не как звездную персону, а наоборот, приземлили, и ей это определенно нравилось. Она и сама, как было известно Гурову, была рада тому, что у нее никто не просит автограф и не одаривает елейными улыбками, а запросто называет Машкой и отпускает шутки по поводу ее известности.

– Видел тебя в сериальчике, – довольно ухмыляясь, заметил один из тех, кто учился с актрисой Строевой в одном классе. – Ты там в желтом купальнике на катере рассекала.

– Вот только начни, Миронов. Только начни, – пригрозила ему Маша.

– Ну а что? – делано удивился тот.

– Я весь класс, конечно, не ждала, но почему-то думала, что нас будет больше, – перевела тему разговора Маша. – Миронов, чего сидишь? Мое место занял.

– Прости, – рассмеялся тот и уступил Маше место.

Знакомясь, Гуров пожимал многочисленное количество рук и вскоре уже запутался в именах и фамилиях. Он присел на подоконник и еще раз осмотрелся, теперь уже более внимательно.

Вдоль задней стены тянулись столы, выстроенные в длинный «шведский стол». Подле них сновали взволнованные женщины, видимо, из родительского комитета. Они то и дело поправляли и без того идеально уложенные на тарелках фрукты и без конца пересчитывали пирамидки из пластиковых стаканчиков.

– Из ресторана все привезут часам к десяти, – услышал Гуров сообщение одной из женщин. – Спиртное тогда же принесем из кабинета директора. А для детей я еще пиццу заказала...

«Пиццу я бы съел, – подумал Лев Иванович. – Но не дадут ведь, ибо вырос давным-давно».

– Лева! – позвала мужа Маша.

– Да? – очнулся Гуров.

Она протягивала ему свой мобильный телефон. Удивленный Гуров взял его и поспешил в коридор, чтобы можно было хоть что-то расслышать.

Звонил Стас, решивший напомнить ему про ключи от сейфа.

– Ты чего Машке-то названиваешь? – насторожился Гуров. – Почему не мне?

– Потому что ты был недоступен.

– Ты уже напомнил про ключи.

– Ну вот решил повторить.

Гуров хорошо знал коллегу – дело было не в ключах. Присутствовало что-то еще.

– Как там с Василевским дела? – спросил он.

– Умер.

– Как это так? – опешил Лев Иванович.

– Не знаешь, как умирают?

– Подожди, не понял, – тряхнул головой Гуров. – Он же был в изоляторе.

– Вот там и умер. Сердце. На гeryче сидел. Плюс переволновался бедняжка.

– Странно.

– Не странно. Никто ему в этом не помогал. Остановка сердца. Без вариантов.

– Ну он хоть признание сделать успел?

– Это да, – оживился Стас. – Облегчил душу. Начал еще до моего появления, я там даже был не нужен. Он все выложить успел.

– И все равно странно.

– Отдыхай, Лев Иваныч, – посоветовал Крячко. – Дело закрыто. А про ключи все-таки не забудь. Или, если хочешь, я сам к тебе за ними заеду.

Гуров сунул руку в карман и нащупал связку ключей, с которой забыл снять ключ.

– Не надо. Привезу, – ответил он. – С утра в понедельник приеду и привезу сам.

– Ну все тогда. Я просто хотел тебя известить о Василевском.

– Понял.

Гуров достал из кармана телефон и набрал номер телефона Маши. Мобильник жены тут же отозвался знакомой тихой мелодией.

– Есть же связь, – пробормотал Лев Иванович.

Внезапно он ощутил прикосновение к своему плечу. Обернулся и увидел стоявшего рядом директора школы Немировича. Его лицо было озарено довольной улыбкой.

– Решил узнать, все ли в порядке, – еще шире улыбнулся он.

– Все в порядке, – подтвердил Гуров, засовывая оба телефона в карман. – Хотя... а что здесь с мобильной связью?

Директор непонимающе посмотрел на Гурова, но через секунду сообразил, о чем идет речь.

– Плохая связь? Вы про это? – уточнил он.

– Просто сейчас мне звонили с работы, но связи не было. А вот на телефон жены сигнал поступил.

– Со связью сейчас проблема, – согласился директор. – Вы же видите – здание старое, скоро снос, что-то уже отключили, а налаживать нет смысла. Но на улице интернет ловит прекрасно, там сигнал отличный.

– Да нет, мне не нужен интернет, – покачал головой Гуров. – Но я вас понял. Если что, то выйду на улицу.

– Сегодня утром отключили систему видеонаблюдения, – вздохнул директор. – Да она уже и не нужна, если честно. Этот вечер будет последним, когда в школе соберется народ. А потом останусь только я, некоторые педагоги и рабочие. Мы будем заканчивать все оставшиеся дела. Вот ваша жена помнит, какой красивой была эта школа раньше. Должна помнить. Тут была своя атмосфера. Особенная такая, которая встречается только в старых зданиях Москвы. А вы родом из Москвы?

– Да, я здесь родился.

– Ага. И я.

Разговор сначала был ни о чем, но Немирович неожиданно увлекся. Очевидно, найдя свободные уши, он принялся рассказывать Гурову о пожаре в семидесятых годах прошлого века, про осиное гнездо на чердаке и про редкий сорт яблонь в школьном дворе. Постепенно добравшись в повествовании до наших дней, директор похвастался тем, что старшие классы неоднократно выезжали во время каникул за границу.

– Были в Испании, в Финляндии, несколько раз посетили Эстонию. Все это своими силами. За последний год много раз выезжали просто покататься по Москве. Даже ученики из других школ записывались на экскурсии. Многие дети, как их родители, совершенно не знают родной город, представляете? Нам всем было полезно и очень интересно покататься по Москве.

– Это просто замечательно...

– У нас прекрасный спонсор, – дошел до главного Немирович. – Папа одной из девочек, замечательный человек.

– Полагаю, тоже когда-то здесь учился? – намекнул Гуров.

– Вовсе нет. Но ради дочери он на многое готов. Занимает высокий пост, имеет связи, возможности. Вы же понимаете, о чем я?

– Конечно, – согласился Гуров. – Куда же без связей?

– А вот напрасно иронизируете, – обиделся директор.

– Не иронизирую, – уверил его Лев Иванович. – Просто знаю, как устроена жизнь, вот и все. Вы молодец. И папаша тот.

– Его зовут Юрий Петрович Серов, – торжественно объявил Немирович и многозначительно замолчал, ожидая реакции.

Гурову фамилия ни о чем не сказала. Директор решил просветить.

– Глава Управы нашего района, – подсказал он.

– А я даже и не знал, – смутился сыщик. – Но, послушайте, да вашей школе просто повезло.

– Не то слово. Простите, как вас по имени и отчеству?

- Лев Иванович.
- А вы где трудитесь?
- В полиции.

Немирович с уважением покачал головой. Общаться с директором Гурову не нравилось. Во время разговора он чувствовал себя настолько некомфортно, что уже старался выдумать причину, позволившую бы срочно прервать диалог. Но Маша, показавшаяся в дверях актового зала, разрешила проблему.

– Вячеслав Иванович! – подошла она к директору, поняв, что мужу в тягость общаться с ним. – Спасибо вам.

– Да за что же? – удивился тот. – Мы еще и не начали мероприятие. Наоборот, прошу прощения за задержку. С фотографом проблемы.

– Просто я так давно не видела одноклассников, – призналась Маша. – И мы все не общались сотню лет. Если бы вы не пригласили нас, то мы бы и не испытали такие эмоции. Некоторые даже расплакались, – продолжала восхищаться Маша. – А что с фотографом?

– Слетел в последнюю минуту, – мигом посуровел Немирович. – Позвонил буквально полчаса назад и сказал, что не сможет быть на выпускном. Я, собственно, искал тут кое-кого, чтобы попросить... О, а вот и вы!

Гуров и Маша обернулись. Со стороны лестницы по коридору быстрым шагом шел мужчина с компактной видеокамерой в руках. Его лицо было красным, выглядел он взволнованным, а, заметив, что на него обратили внимание, потерял бдительность и споткнулся практически на ровном месте.

– Коля, да неужели ты? – с надеждой в голосе спросил Немирович.

– Ну да, – подтвердил подошедший мужчина и провел ладонью по лбу, стирая выступивший на нем пот.

– Спаситель ты наш, – выдохнул директор и посмотрел на камеру в руках Веснина.

– Другой нет, – заявил тот. – Просто чудо, что эта оказалась заряжена. Мне сын позвонил, а я, простите, ванну принимал. Пришлось все бросать и нестись сюда – благо живем в соседнем доме.

– Ты извини, все так жестко получилось, – принялся оправдываться директор. – Мы отблагодарим.

– Да не нужно...

И Коля, взвесив на руке видеокамеру, пошел в актовый зал.

– Николай Веснин, – пояснил Немирович. – Сам когда-то учился в этой школе, а в этом году и сын оканчивает. Все помогают как могут. Ну... пойду.

Гуров посмотрел ему вслед, потом покосился на Машу и кивком указал в сторону. Она подошла ближе.

– Подышим? – спросил Лев Иванович.

– Давай, – согласилась жена. – Я там спросила про начало, но какие-то гости не пришли, поэтому мероприятие начнется с задержкой.

На улице было прохладнее, чем внутри здания. Гуров снял пиджак, набросил Маше на плечи и достал сигарету.

– Телефон твой там в кармане, – предупредил он. – Стас, гляди-ка, повадился тебе названивать.

– Ну и пусть, – отозвалась супруга. – Мне не сложно ответить. А связь здесь очень плохая. Одноклассница сейчас пыталась позвонить мужу, но он оказался вне зоны действия сети. Так что пользуйся, любимый.

Гуров заметил, что полицейская машина уже переместилась ближе к въездным воротам. А вот припаркованных возле школы иномарок стало гораздо больше. Очевидно, прибывали

приглашенные из числа опоздавших. Но так как Гурову и Маше не встретился по пути ни один человек, то оба подумали, что гости решают какие-то дела с руководящим составом.

– И как тебе Немирович? – поинтересовалась Маша.

– Отбитый на всю голову конъюнктурщик, – ответил Гуров. – Говорит как по методичке читает. Ни слова о недостатках – все у него хорошо, все отлично и лучше, чем у других.

– Злишься?

– На кого? – удивился Гуров. – Пусть себе переживает дальше. Просто не люблю тех, кто акцентирует внимание больше на фасаде, чем на заднем дворе. Между тем в этой школе не роботы работают, а живые люди.

– Например, Тамара Георгиевна, – усмехнулась Маша. – Она ведь тоже из таких. Всегда старалась говорить о людях только хорошее, даже если они совершали плохие поступки. Каждому выносила оправдательный приговор. Любому хулигану. Советское воспитание. Все должно быть на уровне, а то, что не на уровне, тщательно скрывается. Слушай, а с кем ты разговаривал на втором этаже?

Гуров понял, что она спрашивала об учителе истории. Приметная личность. Мимо никак не пройти.

– Педагог этой же школы, – объяснил он.

– Да ладно, – удивилась Маша. – А я подумала, какой-то рабочий. От него же перегаром за версту несет.

– Так и есть, – согласился Гуров.

– Ладно, не наше дело, – подумав, решила Маша.

– Вот это точно.

В этот момент к воротам подъехала еще одна машина – белый внедорожник «Мерседес». Слепив светом фар, она подкатила к главному входу, развернулась и, немного постояв, двинулась к самой оградке. Там водитель и припарковался. Вскоре он появился собственной персоной. Вышел со стороны водительского сиденья, обошел машину и открыл дверь своему пассажиру. Им оказалась невысокая худая женщина в красном платье без рукавов. Водитель помог ей выйти из автомобиля, после чего поставил машину на сигнализацию и медленно пошел к главному входу. Его спутница замешкалась, поправляя задник туфли, и отстала. Мужчина же, не дожидаясь ее, уходил все дальше.

– Юра, да не беги ты! – попросила его женщина.

Мужчина остановился, обернулся и нетерпеливо поманил женщину рукой.

– Давай, Ира, давай, давай, давай. И так уже время из-за тебя потеряли.

По тому, как люди общаются между собой, можно легко и быстро определить степень их близости. Гуров понял, что перед ним супружеская пара, а ведь поначалу решил, что на выпускной пожаловала чья-то мамаша, имеющая личного водителя. Но теперь, когда и он, и она открыли рты, все встало на свои места.

«Родители, – определил Гуров. – Волнуются. И сразу видно, кто в доме главный».

На этом его дедукция забуксовала, и он, взглянув на Машу, а потом на недокуренную сигарету в своей руке, подумал о том, что возвращаться обратно ему совершенно не хочется. На улице было лучше, а внутри школы он ощущал некоторое психологическое давление. Конечно, он останется там до конца, но если честно, то с удовольствием бы сбежал отсюда. Он здесь никого не знает. Все эти новые лица, имена ему совершенно не нужны. Разумеется, он со всеми познакомится, но ему это совершенно не нужно. Из всех, с кем ему удалось пообщаться, больше всего запомнился тот самый учитель истории. И не потому, что предложил Гурову коньяк в неполюженном для этого месте, а потому что единственный, кто показался искренним и был на своем месте.

Мужчина, направлявшийся к главному входу, неожиданно сменил траекторию движения и направился напрямик к Гурову. Не дойдя до него пары шагов, протянул руку и сделал характерное движение пальцами. Гуров кивнул, тут же вынул из кармана пачку сигарет и зажег.

– Ты серьезно? – озабоченно спросила дама в красном платье. – Ты же бросил!

Ее муж казался младше ее, а как там было на самом деле, Гуров не знал. Но дама, стоявшая неподалеку, выглядела не так свежо, как показалось вначале. Все в ней было... классическим. От длины платья до фасона обуви, от безликих русых локонов на маленькой головке до отсутствия украшений. Впрочем, одно все же нашлось – на безымянном пальце правой руки виднелось обручальное кольцо.

– Иди пока, найди ребенка, а то я дочь не видел с самого утра, – попросил мужчина.

– Юра, прошу тебя... – начала женщина, но мужчина, не выдержав, махнул рукой. Отвали, мол. Не до тебя.

Женщина поднялась по ступенькам и зашла в здание.

– Пойду и я, – сказала Маша.

– Давай, – разрешил Гуров.

После того как она скрылась из глаз, мужчина повернулся к Гурову:

– Ваша жена?

– Надеюсь, – усмехнулся Гуров.

– Это как же вас понимать? – удивился мужчина. – Я, кстати, Юрий.

– Лев, – протянул руку Гуров. – Жена, жена.

– Лицо знакомое, – пробормотал Юрий.

– Актриса.

– Не помню, где ее видел, – растерялся Юрий. – Но я и телевизор не смотрю. Работа, мать ее. А вы тут что? Ребенок выпускается?

– Жена здесь училась, – пояснил Гуров. – Приглашенная звезда. А я как обязательный балласт. Она со своими бывшими одноклассниками хохочет, а я мух считаю.

– А у нас с Иркочкой дочка в этом году школу окончила, – погрустнул Юрий. – Так что...

– А у нас с женой детей нет, – предупредил его вопрос Гуров.

– Бывает, – заключил Юрий. – Вечер-то какой... А школу сносят, слышали?

Гуров обернулся и посмотрел вверх, на ярко-освещенные окна. Из-за яркого света само здание выглядело зловеще и казалось практически черным.

– Да, уже рассказали, – ответил он. – А жаль, хоть мне и все равно. Отличный бы вышел памятник архитектуры.

– Развалюха, – небрежно стряхнув пепел, сказал Юрий. – Долго не простоит. Тут никакой ремонт не поможет. Состояние аварийное. К нам приходили активисты с просьбой сохранить хотя бы фасад, да вот только фасад тут тоже проблемный. Фундамент крепкий, это да. Зато все остальное рухнет. Перекрытия деревянные, а это значит, что когда-нибудь может случиться пожар. Уже, кстати, был прецедент, но быстро разобрались и никто не пострадал. Проводку толком проложить нельзя, потому что стены хлипкие. Вы полы видели? Они же тоже деревянные. Трубы ржавые, менять смысла нет. Здесь уже ничто не поможет. Сносить надо. А потом на этом месте будет сквер с названием Школьный. Уже и проект подготовлен. Детские качели, дорожки, клумбы. Небольшой такой скверик, – он вытянул вперед руку и, растопырив пальцы, обозначил границы будущего сквера. – Тополя видите? А дубы? Все старое, все из той эпохи. Кронируем, но рубить не будем. Сохраним все то, что можно сохранить. Вот и будет память.

– Но самой школы уже не будет, – заметил Гуров.

– Ну что ж теперь поделать? Все меняется. К сожалению или нет. Ничего, привыкнут.

В его голосе одновременно слышались сожаление и деловитость. Гурову показалось, что он не так уж и равнодушен к тому, о чем говорит.

– Ваша фамилия не Серов ли, случайно? – спросил он, догадавшись, с кем имеет дело.

Мужчина опустил руку и с интересом взглянул на Гурова.

– Серов, – подтвердил тот.

– Глава Управы?

– Глава, – губы Серова тронула улыбка.

– То-то, я смотрю, с таким знанием дела рассуждаете.

– А как же? Школу под свое крыло взял. Приходится во многом разбираться.

В ярко освещенном дверном проеме показался широкий мужской силуэт.

– Юрий Петрович, а вы уже на месте? – произнес он голосом директора школы. – А то я Ирину Ивановну встретил, а она без охраны.

Серов заозирался в поисках места, куда можно было выбросить окурки. Гуров первым обнаружил мусорку, задвинутую за лестницу, это место практически не освещалось, и указал Серову. Тот бросил в нее окурки.

– Только вас и ждем, – поторопил Немирович. – Все уже собрались.

Серов поднялся по ступеням, Гуров шел следом. Как замыкающий, по привычке напоследок бегло осмотрел школьный двор и только потом закрыл за собой дверь.

Официальная часть мероприятия прошла быстро и весело. Все выпускники получили аттестаты об окончании средней школы, после чего некоторые тут же покинули школу, не оставшись на выпускной вечер. Кто-то через несколько часов улетал на отдых, у кого-то были другие важные дела. Но даже после их ухода людей, казалось, в актовом зале меньше не стало.

Выпускники хотели казаться взрослыми, но при этом все еще оставались подростками. Парни щеголяли в костюмах, но некоторые выглядели в них потешно. Девушки смотрелись несколько иначе. «Взрослые» платья сидели на девчоночьих фигурках отлично, но стоило понаблюдать за каждой, как становилось ясно, что к таким нарядам они не привыкли. Гуров всем своим нутром ощущал, насколько сильно в сознании молодежи боролись между собой желание выглядеть на все сто и в то же время одеться во что-то более привычное и удобное.

Выступление Маши не состоялось. Причем выбор сделала она сама. Получив заслуженную дозу аплодисментов, она поднялась на сцену, помолчала, держа в руке микрофон, и вдруг выдала совершенно неожиданное:

– Ребята! Я должна была прочитать отрывок из пьесы Островского, – начала она. – Но пока наблюдала за вами, то поняла, что это вам сейчас нужно меньше всего. Не в театре же мы, правда? Ну не к месту будет.

По залу прокатился ропот. Гуров прислушался: народ одобрял решение Маши. А вот директор явно не ожидал такого поворота событий. Он стоял возле сцены и с надеждой взирал на присутствующих с вежливой улыбкой на лице, ожидая, что между предстоящими танцами и застольем и выступлением актрисы Марии Строевой выберут второе.

Не случилось. Маша выразилась очень точно – все должно быть к месту. Должно быть желанным, ожидаемым, а не обязательной.

– Спасибо, друзья, – поблагодарила Маша. – Спасибо за понимание, Вячеслав Иванович!

Стоявший спиной к сцене Немирович вздрогнул, услышав свое имя. В следующий миг зал взорвался аплодисментами. Кто-то даже пару раз свистнул, как на стадионе во время футбольного матча.

Спустившись со сцены, Маша взяла директора под руку, чтобы желающие сделали фото на память. Тем временем Гурова согнали со стула, чтобы освободить место для танцев, после чего он помог расставлять столы, на которых благодаря суетливым родительницам тут же появились еда и напитки.

Под потолком пронесся низкий тонкий звук, похожий на звучание натянутой струны – кто-то настраивал стереосистему, но не было видно, кто это был. На сцене царил сущий хаос, кто-то носился туда-сюда, о чем-то спрашивал, покрикивал на остальных. Особенно активни-

чал высокий парень в полосатой футболке. Его Гуров заметил давно – парень запросто общался с директором и выпускниками.

Шумно и долго рассаживались за столы. Их было шесть: два располагались ближе к окнам и были сервированы для взрослых, а за оставшимися четырьмя должны были праздновать дети. Родители выпускников, приглашенные персоны и те, кто учил детей читать, писать и отличать формулу квадрата суммы от квадрата разницы, выбирали места поближе к тем, кого лучше знали, но особенно на отдельные группы не разбивались. Многие учителя прекрасно знали родителей, занимали им места, подтаскивали стулья.

Складывалось ощущение, что все были равны, хотя это было далеко не так.

Гуров оказался в интересной компании. Среди тех, кто делил с ним стол, был широкоплечий темноволосый мужчина лет тридцати, с лицом, усеянным темными веснушками, и широкими прямыми бровями, практически закрывающими верхние веки. Он назвался учителем физкультуры, и от его рукопожатия у Гурова едва не свело зубы. Физрук попросил называть его Геной и, беспрестанно вертя головой, караулил соседний стул, положив на него широкую ладонь. Вскоре стул заняла молодая женщина с длинной косой из светлых волос. В длинном льняном платье свободного покроя она напоминала натуральную Снегурочку, но, как оказалось, всего лишь преподавала в начальной школе.

– Арефьева Ольга Игоревна, – свое имя она произнесла тонким нежным голосом и повернулась к Маше, расположившейся по соседству: – Ничего, если я скажу? Я сразу вас узнала! Вы тоже здесь учились, да? Обалдеть.

Ее восторженность неожиданно понравилась Гурову. Он гордился Машей, хоть и не любил быть рядом с ней, когда она общалась с поклонниками. Тем самым внимание почитатели переключали и на него, считая, возможно, Гурова какой-нибудь знаменитостью. Но подобное происходило не так уж и часто, поэтому Лев Иванович предпочитал терпеть из-за любви к супруге.

На столе появились бутылки с вином, Гуров выбрал белое и предложил Маше.

– Выпьем на брудершафт, – развеселилась Маша, и учительница начальных классов тоже подставила свой бокал.

Сделав первый глоток и почувствовав тепло в груди, Гуров ощутил покой. Ему вдруг стало хорошо и покойно, несмотря на то что вокруг царил самый настоящий хаос, состоящий из смеха, звона бокалов, окриков взрослых, обращенных к своим детям, и громких ответов тех же детей. Во всем этом шуме тихо разговаривать не получалось. Немирович, оказавшийся за соседним столом, встал и заколотил пластиковым ножом по стенке своего бокала, пытаясь призвать к тишине. Но его никто не слышал, потому что одноразовый нож не мог конкурировать с настоящим, сделанным из стали. Поняв свою ошибку, Немирович приложил руку ко лбу. Над ним по-доброму посмеялись, и наконец чей-то зычный бас попросил не сходить с ума и дать директору школы слово. Заместитель директора Тамара Георгиевна схватила с подоконника микрофон и сунула его Немировичу в руку.

– Хотел сказать так много, но от волнения все забыл, – стушевался Немирович. – Это последний выпускной вечер, который увидит эта школа. В каком-то смысле мы все здесь... мы... – он замолчал, пытаясь подобрать нужное слово.

– Спасибо за то, что пришли! – закончила за него Тамара Георгиевна.

– Да уж, – согласился директор. – Да уж...

Он опустил на стул. Заместитель директора наклонилась к нему и сказала что-то ободряющее. Потом вытянула шею и внимательно осмотрела столы, за которыми сидели выпускники. Гуров тут же вспомнил свой выпускной, который тоже проходил в школе. Спиртное в тот день они притащили тайно и заранее спрятали сумку с ним на улице, в кустах жасмина, растущих под окнами подсобки, в которой хранились метла, ведра и лопаты для уборки снега. К ручкам матерчатой сумки была привязана веревочка, другой конец которой крепился внутри

подсобки. Чтобы попасть в нее, нужно было стащить ключ со стенда в учительской, сделать дубликат и незаметно вернуть на место, и это опасное дело удалось провернуть без сучка и без задоринки. Позже, когда учителя и родители устали от всех и вся, Гуров смог проникнуть в подсобку и затащить бутылки грузинского «Ркацители» внутрь. Там же и угощались, выжидая момент и заходя в «бар» по двое или трое, чтобы не привлекать внимания взрослых.

Гуров был уверен, что с тех пор мало что изменилось. Заместитель директора следила за детьми с одной целью – не дать им возможности пригубить за светлое будущее. «И когда это кого-то останавливало? – подумал Гуров. – Все равно найдут возможность. Лучше бы открыто плеснули ребятам шампанского в бокалы, чтобы те чокнулись с учителями».

Он вдруг заметил Серова. Глава Управы подошел к крупной яркой девушке, сидевшей за самым ближним к нему «детским» столом. Для выпускного вечера она выбрала оранжевое платье. Длинные черные волосы, рассыпанные по плечам, девушка то и дело раздраженно отбрасывала за спину, но они все равно скатывались по голым плечам и лезли ей в тарелку.

– Ну как вы тут? – поинтересовался Серов, облокотившись о спинку стула, на котором сидела девушка. – Все нормально? Довольны?

– Нормально, довольны, – вразной ответили ребята.

– А у тебя как дела? – обратился Серов к девушке.

– Все отлично, – холодно ответила она.

– Если что, то я рядом, – напомнил Юрий Петрович.

– Я в курсе, – ответила девушка.

«Дочь, – догадался Гуров, случайно услышавший их разговор. – Дочь главы Управы. Статус прямо на лице. Приятно познакомиться».

Он встретился взглядом с Серовым, который прошел мимо. Тот вместе с женой Ириной сидел за соседним столом. Ирина следила за мужем внимательным взглядом. На дочь она даже не взглянула.

И вдруг Гуров увидел Шлицмана. Лев Иванович хорошо помнил, что пару часов назад учитель истории был уже изрядно пьян. Логично было бы предположить, что он не появится на людях, но нет – появился.

Шлицман соседствовал с мамашами из родительского комитета. С ним они практически не общались, то и дело оглядываясь то на столы со снедью, то в сторону выпускников. Одна из женщин заглянула в свой телефон и быстро вышла из-за стола. Другая тут же последовала за ней. Шлицман даже голову не повернул в их сторону. Он сидел, сложив руки на столе, и не отрываясь смотрел в бокал с вином, стоявший перед его носом. Гуров попытался определить степень его опьянения, но не смог этого сделать. Во всяком случае, учитель не клевал носом и не заваливался набок – и то хорошо.

Маша коснулась руки Гурова.

– Все еще хочешь домой? – спросила она.

Лев Иванович и сам не понимал, чего он хочет. Он до сих пор чувствовал себя как не в своей тарелке, но теперь, то ли после выпитого вина, то ли просто в силу того, что пообвыкся в новой обстановке, он уже не так сильно рвался поскорее покинуть это место.

– А ты как? – спросил он у Маши.

– Ты знаешь, странное ощущение, – ответила она. – Помню все и даже больше, но уже не рвусь вернуть прошлое, как это было тогда, когда мы еще шли по переулку. Понимаю, что все ушло безвозвратно и я теперь тут гость, которому не предлагают остаться на ночь. Грустно. Но хоть чужой себя здесь не чувствую. Это ведь хорошо, правда?

Гуров был согласен. Сама идея устроить выпускной вечер в старом здании, доживающем последние дни, конечно, впечатляла. Поначалу он скептически воспринял директорские восторги по поводу организации праздника, хоть и понимал, что его мнение ничего не значит. Но некоторые сомнения все же возникали. В нынешних реалиях, опутанных высокими тех-

нологиями, – и вдруг выпускной вечер не в ресторане? А как же встреча рассвета? А как же селфи на красивом фоне Москва-Сити вместо обшарпанных стен, которые за одиннадцать лет порядком надоели? Но выпускникам, как выяснилось, все нравилось. Ребяшня веселилась от души. Ведущий, как и профессиональный фотограф, по какой-то причине тоже отсутствовал и к микрофону на сцену мог подняться любой, чтобы сказать пару теплых слов или исполнить песню. Во всяком случае, высокий парнишка в полосатой футболке так и объявил во всеуслышание. Правда, никто выступить перед публикой так и не рискнул.

Тем не менее вечер продолжался. Через открытые окна в актовъй зал проникал прохладный ветерок, а освещение было устроено таким образом, чтобы свет не бил в глаза. Соседи за столом тоже, кажется, попались адекватные. Вон и Маше все нравится. Почему бы и нет?

Гуров снова нашел взглядом учителя истории. Он как раз подходил к двери, засовывая руку в задний карман своих потрясающих джинсов. Походка его была ровной, со спины на подвыпившего человека совершенно не походил.

Вспомнив, что давно не курил, Гуров шепнул Маше, что отлучится, и направился к выходу, намереваясь догнать Шлицмана и составить ему компанию. Отчего-то очень хотелось продолжить разговор с этим человеком. Он притягивал. Он был странным, но интересным.

Коридор оказался внезапно и абсолютно пустым в обе стороны. Гуров осмотрелся. Прислушался. Кроме звуков, доносившихся из актового зала, не было слышно ничего.

Краем глаза Лев Иванович заметил слева какое-то движение и успел заметить, как шевельнулась дверь одного из кабинетов. Это был женский туалет, о чем сообщала желтая табличка с нарисованным на нем бантиком.

«И зачем ему туда? – напрягся Гуров, не двигаясь с места. – Или просто до мужского идти далеко? Все равно не дело. А вдруг ему плохо, и он пошел туда, куда было ближе?»

Неуверенным шагом сыщик приблизился к двери и, помедлив, постучал. За ней раздался шорох, а затем прозвучал довольно отчетливый шепот. Голос принадлежал не Шлицману, а кому-то другому.

– У вас все в порядке? – не решаясь зайти внутрь, спросил Гуров.

– Да, – тут же ответил девичий голосок.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась дочь Главы Управы. Она с вызовом посмотрела на Гурова и прошла мимо, задев его плечом. Следом за ней показалась еще одна девушка, пониже ростом.

– Это женский туалет, – заявила она. – Картинку на двери не увидели, да?

– Увидел, – спокойно ответил Гуров. – Показалось, что...

Из туалета показался еще кто-то. На этот раз парень. Высокий, со смазливим лицом и кудрявыми волосами, закрывавшими половину лица.

– Мужчинам в противоположный конец коридора, – пояснил он.

– А что ты в таком случае здесь делаешь? – поинтересовался Лев Иванович.

– Ну это как бы мой второй дом, – улыбнулся парень. – Мне здесь все можно.

От него пахло спиртным, но внешне он выглядел совершенно трезвым. «Только начали, – понял Гуров. – Нормальное место выбрали. Хотя ребят могла бы спалить любая учительница. Но спалил именно я».

– Вино или водка? – спросил Гуров.

– В каком смысле? – прозвучал низкий голос дочери Серова.

Она не хотела уходить без друзей. Ждала их и внимательно слушала.

Гуров полез в карман и достал жевательную резинку. Сунул в карман, выходя из дома, на всякий случай.

– Вы что-то попутали, – продолжал улыбаться парень.

– Это ты будешь говорить директору или кому-то из родительского комитета, когда они подойдут совсем близко, – проговорил Гуров. – Хочешь устроить напоследок скандал?

- Бери, – скомандовала Серова. – Бери, Кольцов. Ты запарил уже, нас же искать будут.
- А мне можно? – пискнула вторая девушка.

Гуров протянул пачку и ей. Потом посмотрел на ту, которая была главной в их маленькой стайке.

- Как вас зовут? – спросил он, так и держа руку, вытянутой в направлении девушки.
- Олеся, – ответила та. – Фамилию назвать?
- Не надо. Я знаю.

Она вернулась, взяла пачку с ладони Гурова, выдавила из нее подушечку жвачки и забросила в рот.

- Вино, – ответила она. – Хорошее итальянское вино. Папа в курсе.

– Ну хоть не водка, – с облегчением вздохнул Гуров. – Оставьте жвачку себе и с другими поделитесь. Наверняка они только и ждут вашего возвращения, чтобы тут же посетить именно этот женский туалет.

Кольцов обхватил за плечи вторую девушку и подтолкнул ее вперед. Она сразу же обвила его рукой за талию, демонстрируя незнакомцу близкие отношения с парнем. Олеся, пропустив друзей, пошла следом.

– Минутку! – окликнул их Гуров. – Я ищу вашего учителя истории. Вы его, случайно, не видели? Только что вышел из зала.

– Шлицман-то? – усмехнулась Олеся. – Наверное, в библиотеке. Ну или... вернее, там, где она была раньше. Просто в ней теперь пусто, а я видела, как туда грузчики курить бегали.

- А где у вас библиотека?

Олеся указала рукой вправо. Коридор, как оказалось, сворачивал еще раз, и там, посреди широкой грязной стены, располагалась двухстворчатая дверь.

- Спасибо.

Гуров подошел к двери и открыл ее, не постучав. Он оказался в довольно просторном, но весьма грязном помещении. Здесь было полно пустых книжных стеллажей, на полу валялись газеты и была рассыпана то ли сухая штукатурка, то ли меловая крошка, разнесенная по полу ботинками. Выключатель Гуров искать не стал – в помещении было довольно светло, так как прямо перед окном горел уличный фонарь.

Шлицман стоял на фоне открытого окна ипил, запрокинув голову, из уже знакомой Гурову бутылочки. На появление чужого человека он никак не отреагировал. Просто отнял бутылку ото рта и чиркнул спичкой, прикуривая.

– Разве здесь можно курить? – спросил Лев Иванович, тем не менее доставая сигареты. – Опасно же.

– Опасность поджидает нас на каждом шагу, – ответил Шлицман. – А я аккуратен. Вместо пепельницы использую банку с водой. Присоединяйтесь.

Гуров подошел, заметив, что в комнате уже накурено. Историк протянул ему пачку сигарет. Гуров отказался, продемонстрировав свои. С зажигалкой вышла та же история. В конце концов, обменявшись любезностями, оба молча погрузились в процесс поглощения табачного дыма и созерцания школьного двора. Окна как раз выходили на припаркованные машины. Справа желтел дверной проем главного входа.

– Здесь и раньше не курили, – вдруг заговорил историк. – Строго запрещено, сами понимаете. Но в учительской было можно. А здесь даже чай нельзя было пить, иначе библиотекарьша наша могла скандал устроить. А вот в учительской дымили. И пять лет назад, и десять, и двадцать. Некоторые запреты постоянно нарушаются.

- Понятно, – бросил Гуров. – А вы здесь, получается, тоже давно работаете?
- Давненько.
- Теперь будете преподавать в новой гимназии?
- Нет. Устал. Хватит.

Из школы вышла группа людей. Их было человек десять. Гуров рассмотрел нескольких выпускников. Люди расселись по трем машинам, которые тут же покинули двор.

– Почему они так рано уехали? – спросил Лев Иванович.

– А чего им тут делать? – ответил Шлицман. – Получили аттестат, отметились, и все.

– Понятно.

«Грусть-тоска, – подумал Гуров. – Что же за проблемы у этого человека, если он даже во время праздника не может расслабиться?»

– Вы сказали, что работаете в полиции, – вспомнил Шлицман. – Ничего не путаю?

– Все верно, – подтвердил Лев Иванович.

– И что же на выпускном вечере понадобилось полицейскому?

– Моя профессия здесь ни при чем. Я муж бывшей выпускницы этой школы, я вам говорил уже, – напомнил Гуров. – Не знаю, вспомнили ли вы ее. Она еще на сцену выходила.

– А, точно. Актриса. Мне понравился ход ее мыслей. Никакой классики сегодня – и точка.

– А вы сами-то планируете что-нибудь сказать выпускникам на прощание?

Историк оглянулся на дверь и достал бутылку. Коньяка в ней оставалось совсем чуть-чуть. Отхлебнув, он протянул ее Гурову, но тот отрицательно покачал головой.

– Как знаете, – бутылка исчезла в кармане учителя. – Что бы я сказал им в качестве напутственного слова? Я бы посоветовал не лгать. Ни себе, ни кому-либо. Жить после этого непросто. Это только кажется, что все будет по-старому. Нет, не будет.

– Хорошее напутствие, – поддержал Гуров.

– Да не пойду я ни на какую сцену, – сморщился Шлицман. – И без меня есть кому толкнуть речь.

Гуров понял, что дело не только в этом. Он вспомнил, как изменилось поведение заместителя директора при виде историка, и она быстро увела посторонних, словно они увидели что-то неудобное. Место за столом Шлицман занял не среди педагогов, и Гуров не помнил, чтобы кто-то его позвал сесть рядом. Учитель казался изгоем среди своих, даже ни одного ученика рядом с ним не оказалось.

Шлицман бросил окурок в высокую консервную банку из-под оливок, наполненную водой. Окурок мягко прошипел на прощание и погас.

– Я отдал школе всю свою никчемную жизнь, – устало произнес Шлицман. – Возился с детьми, пытался разбудить в них интерес не только к прошлому, но и к настоящему. Возил на экскурсии, ночевал с ними возле костра, путешествовал по зимнему лесу. Мы исследовали озера, бродили со старинными картами по городам, варили кашу в котелке. Мне было с ними интересно, я старался сделать так, чтобы и они почувствовали то же самое. Банальная история: своих детей нет, поэтому носишься с чужими. Я потерял жену в прошлом году, как раз на исходе лета. Только-только вернулся из поездки с учениками. Она так хотела, чтобы я отдохнул. Обещала дожидаться и сдержала слово.

Гуров тактично промолчал.

– Онкология, – ответил на его немой вопрос Шлицман. – Догадываетесь, что меня спасало от вечного запоя? Не отвечайте. Знаю, что догадались. Работа меня вытащила. Правда, не до конца. Но я хотя бы не утонул в своем личном черном омуте. А сейчас я дико устал.

– Вас увольняют, что ли? – спросил Гуров и вдруг закашлялся.

Шлицман подождал, пока приступ кашля прекратится.

– Меня не увольняют. Сам ухожу. Сам принял такое решение. Хотел раньше, но не отпускали. Теперь никто не задержит. Хватит с меня.

Телефон в кармане пиджака Гурова издал короткий звук. Он открыл папку с сообщениями. Последнее было от Маши, она искала его.

– Мне нужно идти, – Лев Иванович убрал телефон в карман.

– В следующий раз, когда соберетесь покурить, то я с удовольствием составлю компанию. Позовите, – попросил Шлицман. – У меня есть пара вопросов юридического характера. А сейчас идите, а я пока останусь. Вас хватятся, а про меня уже, наверное, забыли. То, о чем я говорил, не сочтите за исповедь. Я не настолько пьян, знаете ли, чтобы плакаться в жилетку тому, кого вижу впервые.

– Мы уже до этого виделись, – попытался сгладить ситуацию Гуров. – И не беспокойтесь, пожалуйста. Всем нам иногда нужно облегчить душу. Позже обязательно поговорим.

Гуров поспешил к двери, оставив историка стоять возле окна. Выходя из библиотеки, он обернулся, ожидая, что ему смотрят вслед, но учитель так и стоял к нему спиной. Разговаривать о чем-то серьезном ему совершенно не хотелось. Шлицмана он совершенно не знал.

Глава 3

Пока мужа не было, Маша приобрела новых знакомых. Место Гурова теперь занимала полная женщина с темными короткими волосами. Так обычно выглядят нянечки в детских садах. Маша виновато посмотрела на мужа. Мол, спасай. Но он даже бровью не повел. Хотела легкой жизни? Теперь мучайся.

Он присел на свободное место неподалеку. До него здесь сидел физрук. Куда-то пропала также и «Снегурочка».

– Да-да, с самого начала. Прямо с первого класса, – тараторила полная женщина, отвечая на какой-то вопрос Маши. – Как только привела его сюда за руку. С этого самого момента я здесь и помогаю. Он же у меня болезненным был, хоть и не самый маленький в классе. Вы знаете, я немного успокоилась сейчас, но сегодня с утра, не переставая, плакала. С самого утра! Кофе наливаю и плачу, зубы чищу и плачу, а как его костюм с вечера наглаженный увидела, то уже натурально начала рыдать. Он мне: «Мать, ты обалдела?» А я и ответить толком не могу. Я храню его первые тетрадки. Принесла сегодня, показала ему. Он говорит: «Выброси, зачем они?» А я не могу. Он у меня один, больше никого нет. Все, что когда-либо рисовал, храню. И дневники его, и поделки кривые – для меня они самые прекрасные. Если не поступит, то заберут в армию. Не знаю, как переживу. Ему уже восемнадцать. Вот все эти ребята – они ведь уже совсем взрослые. Восемнадцать лет почти каждому. Такой вот «поздний» класс получился. А вообще-то за последние годы у нас не только занятия были. Очень много экскурсий, вылазок на природу. Это на постоянной основе. Учитель истории все это устраивал, а организовывал папа Олеси Серовой. Он глава Управы. Взялся за нас, будто мы ему родные. Рейсовые автобусы заказывал, номера в гостиницах оплачивал. А мы только за дорогу платили. Ой, да где мы только не были! Румыния, Эстония, а из Эстонии на пароме плавали на целый день в Финляндию. Дети такие были довольные! Но вот прошлым летом...

– Да что вы говорите! – с восторгом произнесла Маша. – И в Финляндии были?

Женщина запнулась, когда ее перебили.

– А что, Мань, может, и мы к финнам смогаемся? – спросил Гуров.

– Ой! – вздрогнула женщина и обернулась. – Не заметила вас. Ой! Я же ваше место заняла!

Лев Иванович не успел ничего ответить – мамаша тут же поднялась и обратно садиться уже отказывалась. Впрочем, совсем скоро ее отвлекла другая родительница, и Гуров с чистой совестью пересел к жене.

– Ну очень разговорчивая, – пожаловалась она. – Но я ее понимаю. Тут у всех эмоций выше крыши. А ты где был?

– Курил.

– Ну ладно.

Между тем, пока Гурова не было, участники застолья уже перемешались между собой. Они сновали от стола к столу, то подходя к ребятам, то замирая в углу актового зала с прижатым к уху телефоном, то резко вспоминая, что пора бы выпить еще, приближались к столу. Бутылки стремительно пустели, и, наверное, злоупотреблять на глазах вчерашних школьников спиртным было неправильным, но Гуров видел иную картину. Вся эта непонятная суета не напоминала вакханалию, а, скорее, сбор членов одной огромной семьи, где все живут на разных концах света, сто лет не виделись и просто рады тому, что родные люди оказались рядом. Пацаны и девчонки в сторону взрослых даже не смотрели, ибо у них были свои дела. Кто-то снимал на память видео, кто-то выкладывал фотографии в соцсети, кто-то радостно орал, глядя на экран, на котором плясало чье-то лицо. В какой-то момент широко открылась дверь, и на пороге появился человек с широкой плоской сумкой в руках.

– Пицца! – закричал кто-то из детей. – Е-е-е-е! Живем!

Несчастный курьер еле стоял на ногах. Он привез много коробок с пищей, потом долго о чем-то разговаривал с одной из родительниц, после чего ушел налегке. Треугольники пиццы тут же были разобраны. Гурову и Маше пицца тоже досталась.

Незаметно вернулся и учитель истории. Он снова сидел на своем месте, но теперь уже был не один. Стул рядом с ним заняла жена главы Управы и мама Олеси – Ирина. И между ними происходил очень непростой разговор. Женщина придвинулась к Шлицману очень близко – гораздо ближе, чем это обычно бывает между теми, кто держит дистанцию. Касаясь кончиками пальцев его руки, она пыталась то и дело заглянуть в его лицо, но Шлицман упрямо отворачивался, и Ирина каждый раз по-своему переживала неудачу – она поднимала лицо к потолку и закрывала глаза. На эти мучения Гуров смотрел недолго, уж слишком интимным был момент. К тому же за стол вернулись физрук и учительница начальных классов Ольга Игоревна. Физрук подлил ей вина, после чего поухаживал за Машей. Ольга Игоревна равнодушно следила за его движениями.

– Ну чего ты? – не выдержал физрук. – Устала? Или все еще переживаешь за этих? – Он указал на танцующих ребят. – Успокойся, они о тебе тоже всю жизнь помнить не будут.

Но Ольга Игоревна переживала совсем о другом. Она то и дело бросала обеспокоенные взгляды в сторону Шлицмана и Ирины.

– Ах, вот оно что, – насмешливо протянул физрук. – Понятно.

– И что же тебе понятно? – резко повернулась к нему Арефьева.

Физрук не ответил, но вопрос услышал. Маша попыталась сгладить неловкость.

– А вы, Ольга Игоревна, тоже переходите в новую гимназию? – спросила она. – Я успела узнать, что все, кто работал в этой школе, остаются.

– Может быть, – ответила учительница. – Наверное. Но туда далеко не всех возьмут.

Она снова посмотрела на Шлицмана. Ирины рядом с ним уже не было. Она переместилась к мужу и что-то пыталась ему объяснить. Но Серов недолго слушал ее. Он вскоре вышел из-за стола и куда-то пошел.

На танцпол вышли директор и его заместитель. Он обнял Тамару Георгиевну за талию, она положила руку ему на плечо. Зазвучала медленная красивая музыка. Школота выстроилась полукругом таким образом, чтобы не закрывать обзор. Немирович и Тамара Георгиевна заскользили по полу, исполняя вальс. Оба при этом старались не смотреть друг на друга.

Зрелище было умилительным. Кто-то из присутствующих попробовал поаплодировать, но его никто не поддержал. На середину зала выскочил Веснин. Держа камеру на вытянутой руке, он, согнув колени, стал снимать, двигаясь в такт с танцорами. Стараясь выбрать удачный ракурс, он описывал один и тот же круг, то приседая еще ниже, то выпрямляясь во весь рост.

– Представляю, каким будет это видео, – пробормотала Арефьева. – Все через задницу.

– Да здесь у всех мобильники, – ответил ей физрук. – Видео на память? Да кому оно будет нужно?

– Мне, – резко сказала Арефьева. – А мобильники бесполезны. Все селфи делают, а все происходящее целиком никто не фиксирует. Очень жалко. Была бы такая память, но не случится.

И снова на глаза Гурову попался Шлицман. Он двигался вдоль стены к выходу. Арефьева встала и тоже пошла к выходу. Физрук посмотрел ей вслед, затем решительно схватил ее бокал, к которому учительница так и не прикоснулась. Выпив все до капли, он нарочито весело подмигнул Гурову и стал смотреть на вальсирующих педагогов.

Меньше всего сейчас Гурову хотелось вникать в чье-то положение. Достаточно того, что он согласился составить компанию Маше, которая очень просила пойти вместе с ней на выпускной. Но свои навыки и умения Гуров не смог бы отключить, даже если бы очень постарался. Поэтому автоматически и высматривал вокруг себя что-то, что выбивалось из общего целого.

Подумав, он решил, что во всем виноват именно Шлицман. С него все и началось. Не встретить его Гуров, все было бы спокойно, но именно с той самой первой встречи на втором этаже, казалось, все и началось. На глаза то и дело попадалось то, что не должно было попадаться: то как супруга Серова нервно общалась с учителем истории, тайком распивающие спиртное дети, а теперь еще и Арефьева со своим физруком, который не сводил с нее глаз. Вокруг кипели какие-то страсти, выплескивались наружу, заставляли других отводить взгляды и умолкать, потому что тебя как будто бы силком втягивают в некую интригу, о которой ты ни сном ни духом.

Гуров тронул Машу за колено.

– Который час?

– Почти два часа ночи. Без десяти.

– И как долго ты планируешь здесь оставаться?

Директор и Тамара Георгиевна уже перестали вальсировать. Теперь они исполняли что-то другое. Немирович и Тамара Георгиевна то сходились, то расходились в разные стороны, не размыкая рук. При этом оператор Веснин все еще умудрялся не отставать, наматывая круги вокруг них. Выглядело это до сих пор все еще очень забавно.

– Я бы посидела еще часок, – взмолилась Маша. – Не потому, что мне тут сильно нравится, но я действительно окунулась в детство.

– Думал, что ты устала от внимания, – сказал Гуров.

– А на меня тут никто и не смотрит. Обрати внимание, Лев, я же здесь никому не нужна.

Так и было. На Машу насмотрелись, когда она только появилась, а теперь будто бы забыли о том, что она известная личность. Кстати, и на Серова, занимающего высокий пост, тоже никто не глазел. К нему не обращались с вопросами, не обсуждали проблемы, не смотрели в рот, когда он говорит. Он был просто отцом девочки, которая получила аттестат о среднем образовании.

Гуров вздохнул. Потерпеть еще час? Это вряд ли. Так просто Маша не уйдет.

– Потанцуешь со мной?

Лев Иванович поднял голову. Перед ним стоял улыбающийся мужик в мятой белой рубашке. Маша вопросительно посмотрела на Гурова.

– Нет, не могу. Я с женой пришел, – ответил Лев Иванович.

Улыбка на лице мужика поехала в сторону. Маша рассмеялась.

– Прекрати, не все здесь понимают твой юмор, – попросила она супруга. – Ну что, отпустишь меня потанцевать? Это Рыжов, постоянно отдувался за школу на олимпиадах по химии. Рыжов, ты теперь химик, да?

– Заведу складом, – ответил Рыжов.

– Тоже дело, – согласился Гуров. – Ну что ж, жена. Иди, танцуй. Сегодня тебе все можно.

Маша сунула в руку Гурову свой телефон, схватила Рыжова за руку и потащила на танцпол, где кроме директора и его заместителя уже танцевали чьи-то родители.

– Что, и вы осиротели? – весело спросил физрук, посмотрев Маше вслед. – Вина? Есть белое, есть красное.

– Можно. Любое.

Сам физрук до сих пор шарил глазами по залу.

– Предлагаю выпить за будущее, – провозгласил он тост, покачав бокал в руке. – Не за то, которое ждет этих ребятишек, а за наше с вами.

– О как! – удивился Гуров.

– А все почему? А все потому, что у них его больше, а у нас гораздо, гораздо меньше.

– Витиевато, но поспорить трудно, – согласился Лев Иванович.

Они чокнулись. Физрук снова огляделся.

– Странный какой-то праздник, не находите? – спросил он.

– Да я как-то нечасто бываю на подобных мероприятиях, – признался Гуров. – Все больше по другой части. А почему странный?

– Потому что весь год был странным, – чтобы его было лучше слышно, физрук старался произносить слова собеседнику прямо в ухо. – Только и мусолили тему насчет переезда, будто ничего другого и не существовало.

– Но событие-то неординарное, согласитесь?

– Ерунда. Новое здание на соседней улице. Автоматом туда перейдут все учителя.

– А вот я слышал о том, что кто-то хочет уволиться, – вспомнил Гуров слова Шлицмана.

– Ну разве что наш историк, – догадался, о ком идет речь, физрук. – Так невелика потеря.

– Я никого из учителей не знаю, – прервал его Гуров. – Это внутренние ваши дела, я не имею никакого отношения...

– А я и не сплетничаю, – перебил собеседника физрук. – Вы меня не так поняли. Я про то, что свято место пусто не бывает.

– Я так и понял, – отстранился Гуров.

Мелодии сменяли одна другую, в центр зала вышли еще несколько танцоров, среди которых были не только взрослые, но и дети. Веснин, утомившись скакать от стола к столу, снимал происходящее, уже сидя на краю сцены. Рядом с ним стояла тарелка с остатками салата и бутылка газировки.

Маша и Рыжов о чем-то оживленно беседовали. Никакой ревности Гуров не испытывал – опять же, он четко чувствовал настроение жены и ее знакомого. Романтикой в отношениях и не пахло.

– Отлучусь-ка я, – подмигнул физрук и, ловко лавируя между людьми, вышел из зала.

Гуров совершенно не знал, чем ему заняться. Такие моменты он очень не любил, да и кому такое положение дел вообще может нравиться? Все, кто находился в зале, так или иначе давно были знакомы между собой и чувствовали себя здесь как дома. Во всяком случае, таких было большинство. Свое общество кому бы то ни было Гуров навязывать не любил и не считал нужным, предпочитая, если уж того требовали обстоятельства, тихонько отсидеться где-то в стороне. За столом, куда его определили, было пусто – гости разбрелись по своим делам, а будь они здесь, то общение вряд ли сложилось.

Гуров хотел было отправиться покурить, но внезапно появилась заместитель директора и практически упала на соседний стул. После знойных танцев с Немировичем ее волосы растрепались еще сильнее, но выражение лица было довольнее некуда.

– Воды, – она посмотрела на стол, и Гуров преподнес ей стакан с соком, который сам же налил чуть ранее для Маши, но она предпочла вино.

– Сойдет, – обрадовалась Тамара Георгиевна и сделала большой глоток. – Ох, как хорошо. Видели нас? Видели?

– Впечатлен, – улыбнулся Гуров. – Занимались когда-то танцами?

– Я занималась балетом и подавала надежды, а потом стала лениться и в конце концов бросила, – заместитель директора качнулась в его сторону, будто хотела положить голову ему на плечо. – Конечно, то, что вы сейчас видели, не сравнить с классикой! Но, знаете, наш директор очень хорошо ведет. Очень! А вы? Не хотите ли выступить?

– Сегодня я не в форме, – ответил Гуров.

– А зря. Очень зря. Потом чувствуешь себя другим человеком, – переводя дыхание, возразила Тамара Георгиевна. – Маша-то, а? Красавица!

– Согласен.

Заместитель директора вдруг резко стала серьезной.

– Вам все нравится? – строгим голосом спросила она. – Всего хватает?

– О да, – кивнул Гуров. – Можете не волноваться.

– Мы старались, – расплылась в широкой улыбке Тамара Георгиевна.

Гуров понял, что помаленьку сходит с ума. Еще одна такая слашавая мордаха напротив – и его стошнит. Он сделал вид, что ему срочно нужно ответить на телефонный вызов, и сунул руку в карман.

– О, конечно, конечно... – взмахнула рукой Тамара Георгиевна. – Не отвлекаю, не отвлекаю...

Гуров пошел к выходу. По пути поймал взгляд Маши и подал знак глазами. Все хорошо, мол, отдыхай.

Он вышел в коридор и вдохнул полной грудью. Время приближалось к половине третьего ночи. Значит, скоро можно будет с чистой совестью свалить с этого утомительного мероприятия. Если, конечно, благоверная не захочет встретить рассвет.

Телефон и впрямь завибрировал в его руке. Высветившееся на нем имя не сулило ничего хорошего.

– Слушаю, Петр Николаевич, – осторожно проговорил Гуров.

– Не разбудил?

– Я же с женой на выпускном, – напомнил Лев Иванович. – Или не говорил?

– Да знаю я, – перебил подчиненного Орлов. – Стас сказал. Как там у вас дела?

– А что такое?

– Ясно. Значит, не в курсе. Труп у вас там. Крячко с опергруппой скоро будут.

Гуров обескураженно уставился на собственное отражение в оконном стекле.

– Шутишь, что ли, Петр Николаевич?

– А ты как думаешь?

– Да я сейчас стою в коридоре этой самой школы, – произнес Гуров и посмотрел сначала вправо, а потом влево. – Тут веселье рекой. Какое убийство? Кто вызвал полицию?

– Вызвала Арефьева Ольга Игоревна. Сказала, что обнаружила в библиотеке тело учителя истории. Пощупала пульс, но не нашла. Решила, что человека убили. Проверь, что там.

Не отнимая трубку от уха, Гуров быстрым шагом пошел влево, повернул за угол и тут же сбавил скорость, увидев «Снегурочку», стоящую возле стены. Внезапное появление Льва Ивановича испугало ее настолько, что она тихо вскрикнула и изо всех сил вжалась в стену.

– Никуда не уходите, – приказал Гуров.

Двери, ведущие в библиотеку, были открыты. Сыщик подошел к ним вплотную и остановился. Помещение все так же заливал свет от фонаря, стоявшего прямо перед окном. В метре от окна на полу вверх лицом лежал учитель истории. С его лицом было что-то не то. Гуров подошел ближе, наклонился и чиркнул зажигалкой. Возле рта Шлицмана виднелись остатки рвотной массы. Лицо покрывали кровавые мазки, словно кто-то, уходя, решил напоследок раскрасить его кожу, но источника кровотечения при беглом осмотре видно не было.

Пульс отсутствовал.

– Да, Петр Николаевич, есть труп. Но его стошнило, и он, если бы в этот момент был без сознания, мог умереть сам. Как вариант – несчастный случай.

– Понял. Ну все, жди наших.

– Подожди минуту.

Гуров вернулся в коридор, взглянул на Арефьеву. Она силилась что-то сказать, но вместо этого из ее горла доносилось бульканье, будто бы она пыталась что-то проглотить.

– Ладно, Петр Николаевич, – тихо сказал Гуров в трубку. – Сделаю все, что смогу.

А смочь надо было многое. Никто из присутствующих еще не знал о случившемся, если только учительница не успела оповестить кого-то по телефону.

Гуров с тоской посмотрел в потолок. Он вышел из актового зала минут пять назад, там и сейчас вовсю провожали школьные годы чудесные. Вспоминали, выпивали, клялись собраться снова.

Сама Ольга Игоревна находилась в таком состоянии, что краше в гроб кладут. На Гурова она смотрела, как на чудище рогатое, и при его попытке приблизиться, так и прижимаясь к стене, поползла в сторону.

– Стоять, – приказал ей Гуров, и она послушно остановилась. – Что вы здесь делаете?

– В каком смысле? – прошептала она.

– В каком поняли, в таком и ответьте.

Ольга Игоревна несколько раз приоткрыла рот, но так ничего и не сказала. Гуров повторил вопрос.

– Я-а... зашла, – выдавила она.

– Куда?

– Сюда, – покосилась учительница в сторону открытой двери.

– И?

– И там его увидела. Он уже не дышал. Я пульс проверила.

Все это Гуров уже слышал от Орлова.

– И вы решили, что это убийство?

Ольга Игоревна кивнула.

– Почему вы так подумали?

На этот раз никакой реакции от нее не последовало.

– Как вы вообще оказались возле библиотеки? – спросил Гуров.

– Я искала Шлицмана.

– Зачем?

– Хотела поговорить.

– Понятно, – резюмировал Гуров. – Он вас ждал?

– Нет. Но он же ушел от всех. Был в плохом настроении. Хотела его найти, побыть с ним.

– И вы точно знали, где его можно найти?

– Не знала, но предполагала. Хотела с ним побыть, привести в чувство, – повторила Арефьева. – Мы... дружили. Думайте что хотите.

– Значит, дружили...

– Просто ему нужно было говорить с кем-то. Ему же было плохо. Никто этого не видел, а ему было плохо.

– Вы вышли из зала следом за ним, а дальше что?

– Я не решилась догнать его. Поняла, что это не нужно, и решила сходить в туалет.

– В который? В этот? – Гуров указал на дверь женского туалета.

– Нет.

– А в какой же?

– Спустилась на второй этаж. Здесь всегда кто-то есть, а там, я подумала, вряд ли. Не хотелось никого видеть.

– А потом все-таки решили вернуться и заглянуть в библиотеку? Почему изменили свое решение?

– Не знаю. Само собой получилось.

Девушка прерывисто вздохнула, словно сдерживая плач, но кожа на лице была сухой. Слез на нем Гуров не заметил.

– Как долго вы пробыли на втором этаже?

– Да не смотрела я на часы. Прошла по кабинетам. Вспоминала разное. Заглянула в учительскую, а там мебель до сих пор не вынесли... Только пустые полки и напоминают про то, что скоро школы не будет. Даже шторы еще не сняли. А потом я вернулась сюда.

– Сколько времени вы отсутствовали?

– Ну... минут десять или пятнадцать. Не больше. Не могу сказать точно. Не знаю.

– Вас хоть кто-то видел в этот отрезок времени?

– В какой отрезок? – нахмурилась Ольга Игоревна.

– С момента, когда вы покинули актовый зал и до момента, когда зашли в библиотеку.

– Не знаю.

Стократное «не знаю». Не многовато ли даже для того, кто находится в стрессе? На другие вопросы она ведь ответила внятно.

За спиной громко раздались звуки музыки и тут же стихли – кто-то вышел из зала. И кого сюда еще принесет? Стоп. Вышел или вошел?

Гуров быстрым шагом достиг поворота и выглянул в коридор. Он был пуст. Значит, кто-то не вышел из актового зала, а все-таки вошел.

Он приблизился к двери, распахнул ее. Слишком много людей. Слишком много движения. Слишком.

Лев Иванович вернулся к учительнице. Она потихоньку приходила в себя. Во всяком случае, от стены уже отлепилась.

Вспомнив, что официально не представился, Гуров достал из кармана удостоверение и показал его Арефьевой.

– Какое совпадение, – пробормотала она. – Вы как чувствовали, да?

– Это действительно совпадение, – подтвердил Лев Иванович. – Оставайтесь здесь.

Он набрал номер телефона Стаса Крячко и снова прижал мобильник к уху.

– Скоро вы?

– Уже подъехали, – бросил Стас. – Куда нам идти-то? Опа, а тут и ребята из службы ДПС.

– Охраняют неизвестно кого, – в сердцах выдал Гуров. – Поднимайтесь. Третий этаж, по коридору до конца, потом налево. Жду.

Он едва успел убрать телефон, как увидел директора. Немирович встревоженно посмотрел в сторону Арефьевой – выглядела она все-таки неважно. Но обратился Немирович именно к Гурову.

– Что такое? – спросил он, не решаясь подойти совсем близко. – Проблемы?

Непонятно было, с какой целью он пришел именно сюда, и Гуров следил за ним, не отрывая глаз. Однако директор сам решил объяснить причину своего появления.

– Детей ищу. Дошли слухи, что кто-то принес на выпускной алкоголь. Наверняка где-то прячутся.

– Детей здесь нет, – ответил Гуров. – Можно вас на минуту?

– Конечно, конечно...

Гуров решил просветить директора сам, не дожидаясь оперативников. Все равно придется, так лучше уж подготовить прямо сейчас.

Немирович подошел ближе, все еще косясь в сторону Арефьевой. Гуров и сам понимал, что ее нужно куда-нибудь деть, но только не отпускать в актовый зал. Необходимо было хотя бы на какое-то время задержать народ, который непременно захочет поглазеть на труп, а то и сделать фото с места преступления. Учительница, на которой лица нет, вряд ли сможет вежливо улыбаться всем и каждому.

– Ольга Игоревна, сейчас сюда подойдут мои коллеги, – сообщил он. – Будут с минуты на минуту.

– Я знаю. Сама же и вызвала, – одними губами прошептала Арефьева.

– Ну вот видите, – успокаивающим тоном произнес Гуров. – Сами все прекрасно понимаете. Как и то, что не нужно бежать отсюда и сеять панику. Не правда ли, Вячеслав Иванович?

– Вы меня, конечно, извините, но я ничего не понимаю, – заявил директор и решительно направился к дверям библиотеки. Гуров шагнул вперед, преграждая путь.

– Не нужно туда заходить, – предупредил он. – Никто там алкоголь не распивает.

– Да что происходит? – остолбенел Немирович.

– Шлицман умер! – выпалила Арефьева. – Там лежит, внутри!

– То есть? – попытался обойти Гурова директор. – Да не стойте вы у меня на пути!

Лев Иванович, так и не уступив дорогу, снова полез в карман за удостоверением. Зачастую оно производило неизгладимое впечатление на тех, кто его видел. Подобное произошло и сейчас.

– О господи, – выдохнул директор. – Вы же полицейский, а я и не подумал... Ольга Игоревна! Может быть, вы мне объясните, что тут случилось?

– Там Шлицман, – повторила Арефьева. – Умер. Я же сказала.

– Как это умер? – растерялся директор.

– Да вы же не слышите ничего!

– А почему вы мне раньше не сказали?! – взвился Немирович.

– Потихе, – попросил Гуров. – Ольга Игоревна поступила правильно. Можно было бы спуститься к полицейским на улицу, но она предпочла остаться здесь и сэкономить ваше и наше время.

Учительница посмотрела на Гурова, словно ища помощи.

– Короче, Вячеслав Алексеевич, – торопливо заговорил Лев Иванович. – Дело серьезное. Ваша задача заключается в следующем: не допустить здесь скопления людей. Оперативная группа вот-вот будет на месте.

– Оперативная группа? – опешил Немирович. – Но ведь полиция приезжает только тогда, когда совершается преступление.

– Полиция выезжает в любом случае, если труп обнаружен в неподходящем месте и при странных обстоятельствах, – машинально ответил Гуров. – По поводу этого трупа глупо было бы не приехать.

По коридору загремели шаги. Послышались голоса. Голос Крячко Гуров узнал бы из тысячи. Немирович тут же вышел в коридор и замер, недоуменно глядя на подходящих к нему людей.

– Вячеслав Алексеевич, – представился он. – Директор школы. У нас сейчас выпускной вечер. Вот здесь, в актовом зале. А вы...

Крячко протянул руку директору.

– Погуляли – и хватит, – с самым серьезным видом заявил он. – Ну что, Лева, отдохнул? Немирович скрылся в зале. Арефьева медленно пошла за ним следом.

– Далеко не уходите, – напомнил Гуров.

– И где он? Здесь? – Стас заглянул в библиотеку. – Понял. Ну что, ребята, давайте! – обернулся он к остальным.

Первым в библиотеку вошли судмедэксперт Дроздов и его помощник. Дроздов на ходу кивнул Гурову.

– Я там только одним глазком глянул, – предупредил Лев Иванович. – Так что первопроходцы сегодня вы.

– И она, – посмотрел Стас в сторону Арефьевой. – Пойду, поговорю с красивой девушкой... Ольга Игоревна, можно вас на минуточку?

Арефьева остановилась и, пока слушала Крячко, смотрела на него с таким отчаянием, что Гурову стало ее жалко. А через минуту произошло то, чего и стоило ожидать: из актового зала появился директор, вытиравший вспотевший лоб. Следом за ним шла Маша. Задев Немировича плечом, она бросилась к мужу.

– Лева, это не шутка какая-то?

– Людей я предупредил, – перебил ее Немирович. – Посчитал нужным не скрывать от них, – заявил он. – Какое уж тут веселье?

И впрямь, музыка уже не играла. Из зала стали выходить люди, щурившиеся на свет после полумрака. Впереди всех шествовал физрук. Заметив людей в полицейской форме, тут же развернулся и затолкал людей обратно.

– Минуточку, народ, куда вы повалили? – раздался его голос за дверью. – Взрослые же люди...

– Ну, в принципе, все верно, – согласился Стас. – Пойду-ка я, Лева, скажу им пару слов. «Разбегутся, – понял Гуров. – На раз и два. Уж лучше бы не знали».

От собственных мыслей стало нехорошо на душе. Откуда взялся этот цинизм? Или так выражается внутренний протест, ведь об отпуске теперь можно забыть? Они с Машей планировали поехать в Калининград, она специально подгадала, чтобы в перерыве между съемками. Хорошо, что не успели билеты купить. Вырвались бы всего на неделю, а теперь не получится. Или во всем была виновата адская жара, заставляющая прилипать рубашку к телу? Ответы на все вопросы Гурову были известны. Всего понемногу. Убери одну причину – останется еще сотня поводов, чтобы гневаться.

– Стас, подожди, – остановил друга Гуров. – Дай-ка я сам с ними поговорю. А ты иди в библиотеку.

– Родители захотят увести детей, – предупредил Стас. – Отпускаем или держим?

– Займись делом, – попросил Лев Иванович. – А я решу вопрос и с детьми, и с родителями, и с педагогами. Поговорю с ними сам. Как-никак меня уже видели, не так испугаются. С некоторыми даже знаком лично.

Иметь дело с полицией захотели далеко не все. Две активные мамы тотчас схватили своих дочерей в охапку и увели домой. Увещевания и мягкие напоминания об ответственности никак не помогли. Женщины категорически не хотели оставаться в одном здании с умершим.

Чуть позже выяснилось, что некоторые ушли с выпускного еще до того, как был обнаружен труп. Директор принес список приглашенных с номерами телефонов. Гуров отложил его в сторону – опрашивать тех, кто уже ушел домой, сейчас не получится. Придется взять у них показания позже.

В числе тех, кто торопился покинуть здание школы, был Серов. Тем не менее он решил не ударить в грязь лицом и предложить свою помощь.

– Да чем же вы нам поможете? – удивился Гуров.

– Вы не отказывайтесь, – ответил Серов. – Все-таки я не последний человек в Москве. Ну ладно, не в Москве, но в административном округе. Кого-то найти, до кого-то достучаться... и так далее.

– Ну хорошо, – согласился Гуров. – А где сейчас ваша семья?

– Жена и дочь уже в машине, – сообщил он, пожимая Гурову руку. – Обе чувствуют себя не очень. Если это возможно, то я отвезу их домой. Конечно, они поговорят с вами, но не сейчас. Жена перенервничала, Олеся тоже не железная. Все устали, и дома меня, скорее всего, ждет двойная истерика. А мне ведь через несколько часов нужно быть на работе.

Лев Иванович машинально взглянул на часы. Четыре утра.

«Конечно, Олеся не железная, – подумал он. – И вино с друзьями выпила, наверное, чтобы успокоить нервы. Другой причины у нее, разумеется, не нашлось».

– Хорошо, свяжемся с вами позже, – согласился Гуров. – Пусть ваши женщины отдохнут. На свежую голову общаться всегда лучше.

Серов с облегчением вздохнул. Гуров понял, что он сильнее жены и дочери хочет убраться восвояси.

– Но если что, то звоните, – словно ставя точку, хлопнул по столу ладонью Серов. – Я предупрежу секретаря, чтобы сразу соединял. Мы пока что в Москве. Правда, собирались

на отдых, но отложим, если нужно. На весь период следствия останемся здесь. Поедем только с вашего разрешения. Надеюсь, буду полезен. Лев Иванович... Могу задать вопрос?

– Задавайте, – разрешил Гуров.

– Что же там случилось? Краем уха услышал, но не понял, что именно. А лезть в библиотеку через полицейских не вижу смысла.

– Разбираемся, – уклонился от ответа Гуров.

– Понимаю, – Серов смотрел на сыщика одновременно строго и печально. – Он много пил на выпускном, вы не заметили?

– Мы все там были, – напомнил Гуров. – Кто-то, конечно, увлекался сильнее. Мне хватило двух бокалов вина, например. А вам?

– Понимаю вашу иронию, – едва заметно улыбнулся Серов. – О мертвых плохо не говорят, но у Шлицмана давно были проблемы с алкоголем. Тяжелый был человек. Непростой, своенравный. Для следствия это может быть важно. Я курирую эту школу. Неофициально, конечно. Но Шлицмана знал хорошо, так как неоднократно оплачивал его поездки на отдых с детьми.

– Что, прямо из своего кармана? – не удержался Гуров.

– Не совсем. Подключал спонсоров. Всякие фонды, знаете ли, тоже работают не вхолостую. Но бывало и так, что приходилось лично чем-то заниматься. К примеру, однажды, когда дети были на озерах, нас кинула фирма, предоставляющая транспорт. Просто в назначенный час не приехал автобус, и все. Я разбирался, искал новых исполнителей и, разумеется, оплатил их услуги. Ни с кого и копейки не взял. Так что...

– Благородно.

– Всего доброго, Лев Иванович.

Вручив Гурову свою визитку, Серов ушел. Подошедший Крячко краем уха услышал заключительную часть разговора.

– Ты только глянь, какая важная шишка, – посмотрел он ему вслед.

– Его жена о чем-то разговаривала со Шлицманом на выпускном, – вспомнил Гуров. – О чем-то очень важном. Надо бы расспросить ее.

– Их ребенок тоже был здесь?

– Был. Дочь Олеся. Заносчивая особа, – объяснил Гуров. – Серов не от доброты душевной помогал школе, а делал это для своей дочери.

– Чем же она заслужила?

– Чем-то. Надо выяснить, чем именно. Что там судмедэксперт сказал?

– Сам спроси.

Судмедэксперт Дроздов как раз шел в направлении к Гурову. Они неоднократно сталкивались в коридорах главка и часто назначали друг другу свидания там, куда посторонним вход воспрещен – на местах преступления, в лабораториях и в морге, посему расшаркиваться при каждой встрече давно перестали, – лишь сухо приветствовали друг друга, а далее общались исключительно по делу.

– Ну что тебе сказать, Лев Иванович, – вздохнул Дроздов. – Убили вашего учителя. Как есть убили. Смерть наступила между двумя часами и половиной третьего утра. Он, по сути, теплым еще был, когда его нашли. Девушка, которая вызвала полицию, кажется, тоже что-то говорила об убийстве? Ничего больше не сообщила?

– Ничего. Но если это действительно убийство, то преступник удачно подгадал момент, – отозвался Гуров. – Выждал, чтобы человек напился, стал... немощным.

– Немощным? – хмыкнул Дроздов. – Да нет, Лева, дело было совсем не так. Он сопротивлялся. Там весь пол подошвами измызган.

Гуров, который вскользь осмотрел место преступления, переложив эту работу на Стаса, и впрямь заметил не многое. Но долго задерживаться возле трупа не стал. Все свое внимание он

сосредоточил на тех, кто присутствовал на выпускном вечере. Уж очень не хотелось упускать время. Народ, хоть и был на нервяке, но все же мог что-то вспомнить, как того хотелось Гурову, на свежую голову, но, как назло, у всех словно память отшибло.

– Да ладно, ладно, – добродушно прогудел Дроздов. – Знаю, что ты тут со вчерашнего вечера. Вот же занесла тебя нелегкая, ага. Нарочно не придумаешь. Но я не жадный, поделюсь тем, что имею. Значит так, радость моя: скончался ли он от того, что утонул в собственной блевотине, или от того, что его шандарахнули по затылку чем-то тупым и тяжелым, точно сказать пока не могу. Вскроем – узнаем. Однако самому себе нанести удар такой силы невозможно. Ударили его сильно, ушиб мозга я наверняка обнаружу. А вот когда его стошнило и по какой причине, то тут надо разбираться отдельно. Может, до удара. Может, и после.

– То есть он не сам случайно споткнулся и ударился головой о край подоконника? – уточнил Гуров. – Такой вероятности быть вообще не может?

– Все может быть, но только не сегодня, – категорически заявил Дроздов. – Можно, конечно, случайно раскроить себе череп и умереть. Такое случается. Но тут ведь силу удара рассчитывать нужно. И в данном случае сила удара говорит о том, что его чем-то шарахнули.

– Не было там на полу ничего такого, обо что можно было бы споткнуться, – подтвердил Гуров. – И полы не были скользкими.

– Вот и разберись. А я помогу.

Дроздов хлопнул Гурова по плечу и пошел обратно.

– Похоже на убийство, – подытожил Крячко. – Он прав, следы борьбы присутствуют. Но что странно, так это отсутствие четких отпечатков подошв. Словно кто-то потанцевал вокруг.

– Быть не может, – пробормотал Гуров. – Осмотрите все вокруг еще раз.

– Да мы-то осмотрим, был бы толк. А это не к тебе товарищ? Давно кого-то ждет.

Гуров обернулся и заметил Веснина, сидящего на подоконнике. Похоже, он вежливо ждал, пока Лев Иванович освободится. Заметив, что на него обратили внимание, он решил подойти ближе.

– Думал, что вы ушли, – сказал Гуров.

– Ушел, чтобы сына до дома проводить, а потом вернулся. Думаю, это вам пригодится, – сказал Веснин, протягивая камеру Гурову. – Все равно ведь заберете. Только здесь таймер неправильно выставлен, имейте в виду. Да и снимаю я паршиво. Поймите, я не профи. Не готовился. Схватил камеру и побежал. Вот если бы фотографировать, то тут у меня с техникой все в порядке. А видеосъемка – не мое.

– А что там с таймером? – Стас взял камеру и покрутил ее в руках.

– Да там иероглифы какие-то вместо цифр, – объяснил Веснин. – Мы эту камеру однажды в реке утопили, вот потом такая ерунда и началась.

– Сойдет, – решил Стас. – За неимением, как говорится, и рак станет щукой. А ты, случайно, запись еще не проверил?

– Когда? – удивился Гуров и посмотрел на Веснина. – Как вас зовут, не напомним?

– Николай, – протянул руку Веснин. – Действительно, мы же даже не познакомились.

– Ничего страшного. Я Гуров Лев Иванович. Оставьте свои контакты, пожалуйста.

– Тамаре Георгиевне все передал.

– Заместителю директора?

– Ну да.

– Понял вас.

– Активная женщина, – не сдержал улыбку Веснин.

Гуров был рад и иероглифам. О том, что об отпуске можно забыть, он старался не думать.

Краем глаза он заметил знакомое платье – Ольга Игоревна Арефьева брела по коридору и вот-вот должна была скрыться за поворотом. Веснин тоже ее заметил.

– Первая учительница младшего сына, – сказал он. – Это же она наткнулась на труп?

– Да, – ответил Гуров. – Она в жутком состоянии. Едва смогла связать пару слов. Таких свидетелей нужно допрашивать повторно. Ну ничего, придет в себя, тогда и поговорим.

– Я пойду, – заторопился Веснин. – Провожу ее. До свидания.

– Всего доброго.

– Извините за камеру, – смущенно улыбнулся Веснин. – Если бы я знал...

– Все нормально, Николай, – ответил Гуров. – Идите уже. Всего доброго.

Стас ушел в библиотеку. Гуров достал сигарету, помял в пальцах и с досадой убрал обратно в пачку. Долгое время, проведенное без сна, давало о себе знать. Было раннее утро, со стороны Садового кольца доносился шум машин. Но сделано тоже было немало: к этому моменту Гуров уже успел опросить всех, кто еще оставался в школе. Все, с кем удалось поговорить, были готовы предоставить фото и видео с личных мобильных телефонов, но, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, материалов такого плана оказалось меньше, чем хотелось бы, а при виде их качества хотелось плакать. В основном гости лепили групповые снимки на память, фоточки своих детишек и сняли несколько видосов, кривых и косых, на которых с трудом можно было что-то разобрать. Но главное, что интересовало Льва Ивановича, присутствовало – указание времени, когда был сделан снимок или снято видео. Таким образом, замаячила возможность восстановить хронологию событий. Гуров лично присутствовал на празднике и поэтому просмотр медиафайлов в чужих гаджетах взял на себя. Хотел освежить память и лично восстановить ход событий. И тут его ждало полное разочарование. Восстановить порядок действий было можно, но ни в один кадр не попала входная дверь, а ведь она играла важную роль. Тот, кто мог попасть в кадр, мог оказаться убийцей. Любой, кто открыл эту чертову дверь.

Тамара Георгиевна подошла к последнему окну и резким движением отдернула в сторону шторы. Одна из петель, не выдержав напора, оторвалась от карниза. Женщина даже не обратила на это внимание.

– Все. Вот теперь точно все, – сказала она.

Сейчас, при дневном свете, она выглядела лет на десять старше. Гуров оторвался от протокола, вышел из-за стола. Гости с испорченным настроением ушли, забрав с собой своих детей. Час назад отбыли эксперты. Стас болтал с полицейскими, обеспечивающими охрану во время проведения выпускного. Тело Шлицмана увезли в морг.

Директор и его заместитель были последними, кто оставался в здании. Тамара Георгиевна оказалась на удивление мужественным человеком. Именно она, а не Немирович, взяла на себя управление толпой, когда люди узнали о случившемся. Именно ей удалось организовать народ и заставить его остаться, чтобы пообщаться с полицией. Она попросила полицейских поговорить сначала с обескураженными мамашами из родительского комитета, от которых было слишком много шума и суеты, а потом уже с теми, кто более-менее держал себя в руках. Ее слово было законом. Как ей удавалось сохранить ясность ума, Гуров не понимал. Видимо, сказывалось советское прошлое. Некоторые родители категорически отказались общаться с полицией и отправились по домам – Тамара Георгиевна заставила всех перед уходом оставить номера телефонов и даже адреса. Когда же человеческий фактор отошел на второй план, она в одиночку навела порядок в актовом зале, благо никто не требовал идеальной чистоты. Ко всему прочему она успела привести в чувство Арефьеву, у которой после приезда полиции случился истерика. Параллельно Тамара Георгиевна не теряла связи с директором школы, который зачем-то все время отирался возле библиотеки, тянул шею, задавал вопросы, не смея зайти внутрь и мешаясь под ногами у полицейских. В конце концов ей удалось уговорить его вернуться в актовый зал, чтобы Гуров смог его допросить.

Теперь, когда все были отпущены по домам, а в школе оставались лишь несколько человек, полковник Лев Иванович Гуров осознал всю тщетность бытия. Он больше устал от самого

праздника, чем от хаотичного передвижения людей, их вопросов и заполнения протоколов допросов. К последнему он привык больше.

Складывая бумаги в одну стопку, Гуров вспомнил, что Шлицман хотел с ним поговорить. Сказал, что хочет задать какие-то вопросы. Что-то по юридической части.

Не успел.

Глава 4

– Аспирационная асфиксия вследствие вдыхания содержимого желудка в результате получения закрытой черепно-мозговой травмы, – зачитал Орлов заключение судебно-медицинской экспертизы. – Это я коротко, по сути. Заключение предварительное, но обещали не затягивать с результатами.

– Дроздову надо бутылку хорошего коньяка подогнуть, – сказал Крячко. – За скорость и преданность делу.

– Давай, давай, спаивай экспертизу, – сыронизировал Орлов и отложил документ в сторону. – Ну что? Какие мысли? Давай, Гуров, выкладывай.

– Темный лес, Петр Николаевич, – устало произнес Лев Иванович.

– Ты же там был, – напомнил Крячко. – Где твоя фотографическая память?

Гуров, которому удалось поспать за последние сутки всего четыре часа, с задумчивым видом переключал телефон из одной руки в другую. Ситуация была крайне запутанной. Кому как не ему, казалось бы, легче всего вспомнить все, что произошло прошедшей ночью? Но все было не так просто.

– Давай-ка я расскажу только то, в чем уверен, – предложил Гуров. – А после сделаем все так, как всегда делали.

– Попробуй, – разрешил Орлов.

– Шлицмана я встретил в школе еще до начала праздника, – начал Лев Иванович. – Он уже тогда был пьян. Позже также выпивал, но оставался в той же стадии опьянения, что и при встрече со мной в первый раз. Это говорит о том, что его организм привык находиться в таком состоянии. Не шатался, мыслил четко, выражался ясно. Сам рассказал мне, что пьет давно и на постоянной основе, но при этом старается не переходить черту. Я не психиатр, но он показался мне вполне вменяемым и адекватным человеком, хотя нервная система однозначно была подорвана. Потерял жену около года назад. Все свободное время посвящал работе и общению с учениками. Если, как утверждает экспертиза, его убили, то мне даже в голову не приходит, кто бы это мог сделать. Он попадался мне на глаза несколько раз, никаких конфликтов с другими я не наблюдал.

– Обнаружили следы от удара головой о подоконник, – напомнил Крячко. – В волосах застряли частицы засохшей краски. По предварительным данным, это та самая, которая была нанесена на подоконник.

– Убийцу нужно искать среди тех, кто находился в здании школы, – решил Гуров. – На выпускной просто так было не попасть, только по списку.

– А кто следил за пропускной системой? – спросил Орлов.

– Вот этого я не знаю, – ответил Лев Иванович. – Директор при мне спокойно пропустил внутрь главу Управы, и никакого списка я не видел. Мы с Машей тоже свободно прошли. Директор встретил нас на пороге, как родных. Может быть, он и контролировал прибытие каждого гостя, но я лично этого не видел. Мне кажется, эти списки были только на словах. Но патрульные на улице следили за входом. Они не видели, чтобы в течение выпускного вечера в школу кто-то заходил. Про списки спрошу еще раз у директора.

– Уточни, – согласился Орлов. – Ну что, расследование нужно проводить максимально быстро. Лето вон какое, экзамены позади. Сейчас все разбегутся по курортам – и лови их по всему миру.

– Значит, снова придется садиться за парту, – развеселился Стас, обмахиваясь заключением судебно-медицинской экспертизы.

– В школу поедет Гуров, – перевел на него взгляд Орлов. – А ты, Стас, начни подробно опрашивать остальных.

– Побойся бога, Петр Николаевич, – расстроился Крячко. – Я что, один за ними бегать буду?

– Он прав, опрос может подождать, – поддержал друга Гуров. – Опрос займет очень много времени. Стас, займись видео, которое нам передал Веснин. А я в школу. Сначала поговорю с учителями, а потом уже и по остальным пройдемся. Никуда не денутся, а если и денутся, то достанем.

– А что с той самой учительницей, которая обнаружила труп? – спросил Орлов. – Алиби-то у нее нет.

– Алиби как раз есть, – ответил Гуров. – Ее видела одна из мамаш, когда Арефьева бродила по второму этажу. Сама свидетельница в этот момент находилась на улице – ей стало нехорошо, она вышла подышать свежим воздухом, перебросилась парой слов с полицейскими, которые следили за порядком. Говорит, что с улицы можно было видеть все, что происходит в школе через ярко освещенные окна. Арефьева действительно гуляла по кабинетам довольно продолжительное время, заглядывала в шкафы, стояла возле окна.

– А куда выходит окно библиотеки?

– На другую сторону школьного двора.

На этот раз входная дверь школы была распахнута. На первом этаже по обе стороны от лестницы он увидел сваленные друг на друга стулья. Прошлой ночью их здесь не было. Очевидно, подготовка к сносу здания шла своим чередом, и ничто не могло помешать этому процессу.

Гуров решил пока что не подниматься на второй этаж. Он прошел дальше, оставив лестницу позади, и свернул направо, в длинный коридор, в котором не было ни одной двери. Справа виднелись раздевалки, а за ними Лев Иванович увидел на стене указатель с надписью «Спортзал».

Коридор, шедший вправо, заканчивался столовой. Кухонное оборудование еще не демонтировали, а вот помещение, где завтракали и обедали школьники, было абсолютно пустым.

В спортивном зале тоже никого не оказалось. Гуров надеялся найти здесь физрука, но не встретил ни единой души.

Над головой раздался грохот. Лев Иванович поспешил к лестнице. «Если гремит, значит, наверху люди», – решил он.

Грохот раздавался на втором этаже. Гуров задержал взгляд на том месте, где впервые встретил Шлицмана. Тот собирался собирать атласы, а заместитель директора, задавая ему всякие вопросы, пыталась отвлечь внимание гостей от его, как ей казалось, неудобного поведения.

Гуров шел по этажу, дергая каждую дверь. Некоторые оказались закрыты на ключ, а некоторые были не заперты. Классы были пусты, и в каждом на стене, где раньше висела школьная доска, красовался яркий прямоугольник невыцветшей краски. В одном из кабинетов прямо на полу кто-то оставил цветочный горшок с засохшим растением. Зрелище было печальным.

Он искал учительскую. Маша упоминала, что она располагалась именно на втором этаже, а учительница младших классов это подтвердила в ночь убийства. Гуров опознал ее по тем же двойным дверным створкам – именно за ними слышались глухие звуки передвигаемой мебели.

Он зашел без стука и увидел физрука, который вместе с двумя крепкими парнями в синих комбинезонах пытался отодвинуть от стены огромный дубовый стеллаж.

– Не идет, сволочь, – выругался физрук. – Ну правильно, а чего еще ждать-то? Он тут лет сто уже торчит. Врос в стену небось.

Гурова заметили и остановились. Физрук, обернувшись, смерил его недовольным взглядом.

– Привет, – бросил он через плечо и дал знак грузчикам продолжать работать.

Как ни странно, но с появлением Льва Ивановича дело пошло на лад. Стеллаж, опасно накренившись, сдвинулся с места.

– Все, ребята! – окликнул грузчиков физрук. – Все, теперь нормально. Передохнем. Пообедайте пока.

Грузчики, отряхивая руки, вышли из учительской. Физрук, вытерев ладони о тренировочные штаны, протянул Гурову руку.

– В такую жару вы хоть бы здесь вентилятор поставили, – посоветовал Гуров.

– Такие капризы никто удовлетворять не станет, – проворчал физрук.

На одном из столов Гуров увидел рулон туалетной бумаги. Физрук отмотал от него здоровенный кусок, скомкал и вытер мокрое от пота лицо.

– А вы что здесь забыли? – спросил он, поднимая с пола упавшую бутылку с минералкой. – Вчера вроде бы я вам все, что знал, рассказал.

– А сегодня я без протокола, – ответил Лев Иванович, присаживаясь на край ближайшего стола. – Найдется время? Или вы тоже обедать собрались?

– Без обеда, – махнул рукой физрук. – Это вон парней из фирмы директор обеспечил едой, но у нас с ними как бы контракт. А я всего лишь учитель, мне персонально не положено. Фиг с ним, в такую жару и есть не хочется.

Он прислонил бутылку к губам, задрал голову и стал шумно пить, после чего бросил опустевшую бутылку в мусорное ведро.

– Вот теперь жить можно, – устало произнес он. – Так что вы там еще хотели узнать?

– Расскажите о Шлицмане, – попросил Гуров.

Физрук уселся на подоконник, на котором лежал на зарядке мобильный телефон, глянул на него и отодвинул в сторону.

– Человек он был сложный. Близко я с ним не общался. Встречались, конечно, но не дружили.

– Разница в возрасте? – предположил Гуров.

– Не только, – поморщился физрук. – Просто он казался мне непростым человеком. Вечно ходил с таким лицом, словно его к пожизненному заключению приговорили. Знаете, бывают такие люди. И на выпускном с тем же лицом сидел.

– Я заметил, что он был чем-то недоволен, – проговорил Гуров. – Но у него ведь не все просто было в жизни, вы знали?

– Да знал я. Все знали. Жена умерла, детей не было. Одиночество, все дела. Вот и стал бухать. До прошлого лета я за ним такого не замечал, но потом понесло мужика. Я все ждал, что его уволят, у нас ведь сейчас строго с этим делом. Ладно бы где-то в офисе, да и то не факт, что на употребление алкоголя на рабочем месте закрыли бы глаза. А тут-то целая школа! Плюс Управа в спину дышит. Не знаю, кто крышевал этого Шлицмана, но ему ничего за его поступки не было.

– А подробнее? Что именно с ним было не так?

– Иду как-то утром на работу, зимой это было, как раз перед каникулами, – оживился физрук. – Впереди, гляжу, чешет историк. А скользко было, жуть. Я хоть и мастер спорта по вольной борьбе, но тоже с трудом шел. Тело-то тренированное, реакция хорошая, но переломы мне ни к чему. И тут – Шлицман. Идет так, словно каждый следующий шаг будет последним. Клянусь. Не верите? Одной ногой за другую цепляется. Я, короче, догнал его, говорю: «Помочь?» Ну, мало ли, он же немолодой и неспортивный. Поддержу, думаю, коллегу, хоть и не очень хочется. А он поворачивается и говорит: «Зачем?» И тут таким перегарищем мне в лицо шамальнуло, что я чуть не задохнулся. Господи, думаю, да он же... того. И взгляд пустой. Он еще в очках этих своих был, которые раз в году по великим праздникам надевает. В общем, дошли до школы. У меня первый урок был. Пока суть да дело – звонок. Детей в раздевалку, а сам я пошел в столовку, чтобы чай в термос налить. Вижу – Шлицман чешет. Взгляд осмыс-

ленный, не то что утром. И бодро так идет, ровно. То ли протрезвел, то ли похмелился. Но я-то был уверен, что его с утра в таком виде к уроку не допустят. Наверняка заметят, что от него несет, как из пивной бочки. Но нет! Не заметили.

– Может, все же заметили, но вы просто были не в курсе? – усомнился Гуров.

– Я бы знал, – уверил сыщика физрук.

– И вы точно знаете, что наказания не последовало?

– Если бы его наказали, то только отстранили бы от уроков или уволили, – пояснил физрук. – И все были бы в курсе, такое не утаишь. А он потом не раз в таком виде в школу приходил. Потому и говорю, что, наверное, его кто-то прикрывал. Ну нельзя только из-за жалости всякую пьянь к детям допускать. И потом – он же постоянно увозил учеников во всякие походы. Сомневаюсь, что в его рюкзаке были только необходимые для путешествий вещи. Наверняка еще и бухло прихватывал.

– А что говорят по этому поводу сами ученики?

Вопрос Гурова застал физрука врасплох. Кажется, об этой стороне истории он и не думал.

– Не интересовался, – отрезал он. – Но дети, сами знаете, не всегда находятся рядом.

– Но если, как вы говорите, Шлицман мог заявиться на урок пьяным, то вдали от школы тем более выпивал на виду у детей.

– Я всего лишь предполагаю, – пожал плечами физрук. – Глупо было бы думать иначе, согласитесь? Он наверняка выпивал, когда все ложились спать. Или его специально не выдавали те же дети. Да и само понятие «дети», знаете ли, довольно условно. В основном в дальние походы он отправлялся с учащимися старших классов, а там уже юноши и девушки, вполне взрослые люди. Уезжал на неделю, на две недели или просто на пару дней. Главное, что с ночевкой. А тех, кто помладше, выгуливал в Москве или в ближайшем Подмосковье, чтобы с утра уехать, а вечером вернуться.

– Вы хотя бы раз с ним куда-нибудь съездили?

– Один раз. Он провел детей по Арбату. Четвертый класс в полном составе. Я тоже вызвался прогуляться как бы для галочки.

– Он выпивал тогда?

– Не припомню, – отвел взгляд физрук.

– Или был пьян с самого начала поездки?

– Да какого черта! – взорвался физрук. – Что вы от меня хотите?

– За что вы недолюбливали коллегу? – спросил Гуров. – Половина, из того что вы рассказали, кажется домыслами. Не рановато ли увлеклись дорисовыванием фактов? Понимаю, порой очень хочется, чтобы было так, как видится, а не так, как есть на самом деле. Итак, что произошло между вами и Олегом Алексеевичем? Откуда такая к нему нелюбовь?

Физрук расправил плечи и слегка откинул голову назад, чтобы шея казалась шире и выглядела мощнее, словно демонстрировал физическую мощь, давая понять, что Гуров не на сосунка нарвался и вообще лезет не в свое дело. Но Лев Иванович никак не отреагировал на вызов.

– Мне ждать ответа или как? – со вздохом спросил он.

– Вы зашли не с той стороны, – не стал юлить физрук и немедленно «сдулся», приняв обычную позу. – С чего бы мне его любить или нет? Он мне был никто. Делить нам было нечего. Люди мы с ним разные, я вон тоже наверняка кому-то не нравлюсь. Но если говорить об уважении, то я его не уважал. Считаю, что не за что. Ну а насчет остальных... Что они могут видеть? Например, родители? Интересный человек, прекрасный педагог, детишки в восторге. Им большего и не надо. Но они знают далеко не все. Шлицман был скандалистом. Всегда искал повод поспорить, придрататься. Отвратный тип.

– Неудобным человеком был, да?

– В какой-то мере. Но послушайте, если бы он выражал какие-то конструктивные мысли или негодовал по делу, то к нему бы прислушивались, но он был каким-то... своеобразным. Он, например, ни разу не сдал деньги на подарок кому-то. У «химички» родился ребенок, мы ей скидывались на приданое, так он ни копейки не принес. Ну если ты на мели, то скажи, ибо с кем не бывает? Будь мужиком, в конце концов.

– Совсем ничего не дал?

– Нет! – возмутился физрук. – Еще и повод нашел, чтобы оправдаться: «Я не обязан». Нормально? Он не обязан! Придурок.

– Еще какие-то примеры приведете?

– Легко. Проходит собрание в начале учебного года. Это когда после первых двух недель занятий становится ясно, что именно в школе требуется изменить, подправить. Например, новые парты могут оказаться неудобными или в классе появились новые ученики с какими-то особенностями в поведении, или потолок протекает. Все темы обсуждали, все нормально выражали свое мнение.

– Нормально – это как? – попросил уточнить Гуров.

– Спокойно, вежливо. Но Шлицман каждый раз начинал скандалить. Всегда находил повод. Ему казалось, что дети деградируют, что программы обучения совершенно не проработаны, а учителям на это плевать.

– Вы хотите сказать, что он ошибался, а в школе преподавание было на высшем уровне?

– Я физику преподаю, и у меня все отлично, – ответил физрук. – Насчет других предметов ничего сказать не могу. Или смогу, но поверхностно. Но тут дело даже не в чем-то конкретном. То есть, поймите, он цеплял абсолютно всех. Критиковал, не называя имен, конечно, но проталкивал мысль о том, что везде все плохо, что у каждого учителя есть любимчики. Намекал на то, что дети тех родителей, которые успешны, всегда напишут диктант на отлично, понимаете? Но бог с ним, к этому мы постепенно привыкли. Просто Шлицман... Есть такие люди, они как сварливые соседи в коммуналке, которым ничего не нравится, поэтому они портят жизнь любому, кто окажется за стенкой. Обожают стукануть в полицию, если ты после ужина на пять минут погромче включил песни Цоя, а сами «Голос Америки» когда-то по ночам слушали. Вот что с людьми происходит, объясните мне? Я как-то задумался: а что не так со Шлицманом? Не укладывалось в голове его поведение с тем, как его обожают дети и их предки, ведь как педагог он всегда был на высоте. Но с коллегами он превращался в другого человека. Ольге... ну, той самой, которая в полицию позвонила... ей как-то удалось влезть к нему в душу, она смогла, а никто другой не смог, хоть и пытался, насколько мне известно. Она первой узнала, что у него тяжело больна жена. Долго болела, лет пять или семь. Он это скрывал, никому не говорил. Ольга тоже нам по секрету сообщила, попросила ее не выдавать и быть к нему терпимее. Но любая тайна в какой-то момент непременно превращается в то, о чем становится известно всем, согласны? Кто-то Шлицману стал сочувствовать, кто-то ни слова не сказал. Но, позвольте, у каждого из нас могут быть проблемы, однако мы не тащим их на работу. Или тащим? Не знаю, мне как-то везло с этим вопросом, никто меня не грузил. Я и сам стараюсь свою личную жизнь держать подальше от школьного порога. В общем, он всех достал, а мы терпели.

– Какая-то неубедительная причина не любить человека, – не согласился Гуров. – Обычно к тем, кто на нервной почве чувствует себя плохо, относятся бережно, а вы говорите, что он всех только раздражал.

– Да не всех, – возразил физрук. – Меня и, может, еще пару человек. Остальные как раз таки были с пониманием. Ну характер у меня такой! Не могу я слышать, когда кто-то вечно ноет!

– А Шлицман все-таки ныл?

– А как еще назвать его вечные претензии? Алкашня. За последний год только в редких случаях бутылками в учительской не гремел. На месте директора я бы ему давно пинок под тощий зад отвесил, чтобы не позорил школу. Но я не директор, поэтому свои мысли держал при себе. Если бы он не пил, то прожил бы дольше.

– Шлицман скончался не потому, что был алкоголиком. Его убили, – сказал Гуров.

Физрук смотрел на Гурова так, словно тот предлагал ему ограбить банк – недоверчиво, с опаской.

– Да ладно, – хрипло произнес он. – Как это убили?

– Ну вот так, – пожал плечами Гуров.

– Его же Ольга нашла. Сказала, что ему плохо стало, потому, наверное, и умер.

– Ольга Игоревна всего лишь обнаружила тело, а я говорю о результатах вскрытия, – пояснил Гуров. – Но она почему-то решила, что его убили. Почему, как думаете?

– Ничего себе, – растерялся физрук. – Убили! Шлицмана. Уби... Да кому он нужен? А кто его грохнул?

Гуров не ответил.

– Ну не-е-е, – вконец ошалел физрук. – Хотите сказать, что кто-то из наших? Кто-то, кто был на выпускном?

– Я как раз пытаюсь восстановить картину событий целиком и полностью, – ответил Лев Иванович. – Можете повторить свои показания, которые давали прошлой ночью?

– Когда? Сейчас?

– Сейчас, – качнул головой Гуров.

– Да я же недавно все вам рассказал, – повторил физрук. – И протокол подписывал.

– Помню. Но попрошу сделать это еще разок. Только теперь постарайтесь вспомнить более подробно. Может, вам что-то показалось странным, зацепило внимание. Попробуем?

Показания учителя физкультуры, которые он дал ночью, Гуров помнил наизусть. Тот не смог назвать точное время, когда выходил из зала, но прекрасно помнил все, что происходило вокруг. Однако ничто, по его мнению, не удивило его и не привлекло внимания. Алиби физрука мог подтвердить и сам Гуров, который запомнил, когда Шлицман в последний раз покинул актовый зал – физрук в это время сидел рядом и преспокойно попивал вино из бокала Арфьевой.

– Какими были отношения у Шлицмана с другими учителями? – спросил Гуров.

Физрук ненадолго задумался.

– Ровными или никакими. Приятелей не имел, а это всегда видно. Кажется, он ни с кем... Ну вот только Ольга, пожалуй, с ним общалась чаще других, но я об этом уже, кажется, говорил.

– Ольга Игоревна Арфьева?

– Она, – посмотрел в окно физрук. – Вечно талдычила, что он бедный и несчастный, никто его не понимает и не ценит.

– И вас это раздражало.

Физрук вскинул лохматую голову.

– Да. Меня это бесило. Но я его и пальцем не тронул. Слушайте, я все рассказал. Мне больше добавить нечего.

– Так уж и нечего?

– Мамой клянусь.

Гурову стало понятно, что большего он от физрука не добьется. Тот постоянно возвращался к теме собственной неприязни к Шлицману и ответы на вопросы звучали в одной тональности: не знаю, не видел, все рассказал.

– Что ж, спасибо, – поблагодарил сыщик. – Вы ну просто очень помогли.

– Да чем же я помог? – удивился физрук.

В этот момент, словно так и было задумано, в дверях показались грузчики. Физрук спрыгнул с подоконника, едва не уронив на пол телефон.

– Поговорите с Ольгой, – напоследок посоветовал Гурову физрук. – Она может что-то знать. Кстати, сегодня должна быть в школе, но теперь не знаю, придет ли. Позвонить ей?

– Не нужно, у меня есть номер ее телефона. До свидания.

Оставив команду отважных силачей воевать с упрямым стеллажом, Гуров вышел в коридор и остановился, раздумывая. Вспомнил, что от Стаса Крячко не было ни слуху ни духу, а ведь обещал сразу сообщить, если что-то заметит на видео с выпускного.

Гуров решил позвонить ему сам. Стас ответил сразу, тихо и сонно.

– Неужто на видео все так скучно? – спросил Лев Иванович.

– Да как тебе сказать, – промямлил Крячко.

– Говори как есть. Просмотрел?

– Просматриваю второй раз. Оператору хочется руки оторвать. И ноги.

– Он хотя бы честно признался, что не умеет снимать, – напомнил Гуров.

– Дадим ему за это орден, – хмыкнул Стас. – А если по теме, то мы можем долго вычислять, кто вышел из кадра и через какое время вошел обратно, но так и не узнаем, отлучался ли он из актового зала или все это время стоял в метре от оператора.

– Получается, что видео пока что бесполезно, – понял Гуров. – И камер слежения в школе нет. И все, кто был на вечере, не могут точно вспомнить все, что видели.

– Опрошу их еще разок, как положено, – сказал Стас. – Пройдусь по каждому, пусть вспоминают. Только бы не разъехались в отпуска.

– Все получится, мой юный друг, – наставительным тоном изрек Лев Иванович.

– А тебе что-то удалось узнать?

Гуров медленно пошел по коридору в сторону лестницы.

– Учитель физкультуры. Пока нашел только его. Он говорит, что Шлицман был мрачным типом, которому сходило с рук даже пьянство.

– Блатной? – предположил Стас.

– Не знаю. Если его кто-то прикрывал, то теперь уже не узнаешь, но руководство школы смотрело на его поведение сквозь пальцы. Арефьева общалась с ним чаще всего. Может, она что-то прояснит.

На звонок Ольга Игоревна ответила не сразу. Другого Гуров и не ждал: на хрупкую раннюю женщину на последние сутки навалилось столько, сколько не по силам выдержать каждому. Поэтому ответа пришлось ждать долго.

Наконец учительница взяла трубку. Долго шуршала чем-то, после чего хрипло произнесла: «Слушаю».

– Здравствуйте, Ольга Игоревна, – Гуров старался говорить как можно более мягко и дружелюбно. – Извините, если разбудил.

– Я не спала.

Ее было едва слышно, хотя отвечала она именно в трубку, это было слышно по ее дыханию.

– Это Гуров...

– Я вас узнала. Зачем вы позвонили?

– Хотелось бы поговорить с вами.

– Я не могу сейчас разговаривать, – ответила Арефьева.

– А когда сможете?

– Это срочно?

– Не хотелось бы откладывать.

Учительница помолчала.

– Я живу рядом со школой. Если вас устроит, то можете прийти через час.

– Устроит. Называйте адрес.

– ... такая комфортная температура воздуха продержится в столице еще несколько дней, – радостно сообщила диктор.

– Но жизнь даже в жару течет своим чередом, – подхватил тему ее коллега. – Без пяти час в Москве. Время последних новостей.

Гуров убавил громкость радиоприемника и включил кондиционер. Поднял стекла в машине, опустил водительское сиденье и откинулся на спинку. Припаркованный в тени дома «Пежо» был расположен таким образом, чтобы никто из прохожих не имел возможности заглянуть внутрь салона. Гуров хотел отдохнуть, того требовало не только тело, но и дух.

Прошлой ночью он отправил Машу домой на такси, несмотря на то что она непременно хотела остаться. Уговорить ее уехать получилось не сразу, так как со стороны жены было выдвинуто условие: Гуров не будет относиться к ней с пристрастием. Как ни крути, но она тоже была в числе приглашенных на выпускной вечер и могла дать показания наравне со всеми остальными. Только после этого она согласилась вернуться домой.

Без мужа Маша спать не могла, потому дождалась его возвращения, встретив с горячим чаем.

– Кофе тебе не нужен, а чаек самое то, – сказала она. – Будешь пить?

За окном тем временем уже рассвело. Оперативники, подкинувшие Гурова на служебной машине до дома, после поехали на работу и наверняка успели по дороге попасть в утреннюю автомобильную пробку. Гурова и Крячко Орлов отпустил по домам до обеда, чтобы хотя бы поспали немного.

– Без чая, Маша, – отказался Гуров. – Квас остался?

– В холодильнике.

Сама Маша мало чем могла помочь следствию и призналась мужу, что чувствует себя виноватой.

– Да в чем же? – удивился Гуров.

– Да во всем, – ответила она. – Потщила тебя насильно туда, куда ты идти не хотел.

И что из этого вышло?

– А где связь?

– Связи нет. Но по факту я в течение вечера веселилась от души, поэтому ничего не запомнила. Как там фамилия у этого учителя?

– Шлицман.

– Вот! Я даже этого не помню.

– Ты и не должна была помнить.

– Я и его-то с трудом вспомнила. Кажется, сидел за соседним столом. С кем-то разговаривал. Точно. С женой главы Управы.

– Разговаривал, – подтвердил Гуров.

– Они не просто болтали, – задумчиво проговорила Маша. – Они что-то выясняли. Что-то серьезное и важное для обоих. Я еще подумала, что для выяснения отношений неподходящее время и место, но после решила, что ничего не знаю ни о ней, ни о нем.

Гуров прошел в комнату. Маша последовала за ним, прихватив с собой бутылку кваса и два стакана. Пока муж переодевался, она разлила квас и бухнулась на диван, так и держа на весу полные стаканы.

– Может быть, разговор той тетки и Шварцмана имеет какое-то отношение к тому, что случилось? – предположила она. – Просто эта сцена выбивается из событийного ряда, не находишь?

– Тетку зовут Ириной. А он не Шварцман, а Шлицман, – подсказал Гуров, убирая в шкаф вешалку с костюмом.

– Да мне-то все равно, – ответила Маша. – Не закрывай балкон, а то задохнемся. Во сколько тебе на работу?

– Приказано быть к обеду.

– Ну тогда пей свой квас и давай отдыхать.

«Ну и где же хваленая женская интуиция, когда она нужна? – подумал Гуров, борясь с сонливостью. – Маша из тех, кто по одному жесту может сказать о человеке очень многое. Сто раз в этом убеждался. А тут...»

Гуров засмотрелся на крупные кленовые листья старого дерева, верхушка которого достигала третьего этажа жилого кирпичного дома. Между ним и машиной пролегла широкая пешеходная дорожка, по которой изредка проезжали машины. В полулежачем положении Гуров чувствовал себя удобно, в «Пежо» установилась комфортная прохлада. Чувствуя, как слипаются веки, Гуров встряхнулся, сел, открыл окно и достал сигареты.

Разговор с физруком немного охарактеризовал Шлицмана, но не пролил свет на что-то важное. Учителя истории не жаловали в коллективе. Не то чтобы не любили, но за своего не считали. Шлицман и самому Гурову показался человеком неординарным. Или принципиальным? Можно было понять его нежелание сдавать деньги на подарок коллеге. Скорее всего, таким образом он протестовал против негласных правил, которые автоматически устанавливаются внутри определенной группы людей. Обязательные поздравления порой против воли самого виновника торжества, постоянные «надо сделать так, как другие, чтобы не подумали обо мне плохо» давно изжили себя в теории, но на практике тот, кто предпочитал отказаться от правил, нередко и до сих пор становится изгоем. Да и нежелание Шлицмана признавать, что в школе все гладко с процессом обучения, тоже достойно уважения. Правда, сам физрук не смог толком объяснить, что конкретно имелось в виду. Его хата с краю. Он не вникал в ситуацию. Его это не касалось. А кого же тогда касалось?

На разговор с Арефьевой Гуров возлагал большие надежды. Получается, она единственная из всех, кто работал в школе, сумела наладить контакт с историком. Интересно будет выслушать ее точку зрения на происходящее.

Гуров взглянул на часы. До встречи с учительницей оставалось десять минут. Он вышел из машины и вздохнул. Как там сказала диктор? Назвала жарилу комфортной? А сама в это время, наверное, сидела под кондиционером?

– Только бы у Арефьевой в квартире было не так жарко, – пробормотал Гуров, подходя к подъезду.

– Садитесь здесь, – Ольга Игоревна указала на угловой диван. – Иначе продует.

От жары и духоты она спасалась с помощью мощного вентилятора с пультом дистанционного управления. Гуров с опаской взглянул на гудящую штуковину, стоящую в центре комнаты. «Надо бы такой на работу купить, а то старый уже не справляется», – подумал он.

Выглядела Ольга Игоревна и впрямь неважно, и не понять было, что именно ее подкосило: бессонная ночь или трагедия с коллегой. На полу возле дивана Гуров заметил откупоренную и практически полную бутылку с вином, а на прикроватной тумбочке стоял стакан с остатками вина на дне. Ольга Игоревна тут же подхватила бутылку и переставила ее на стол, но никакого смущения при этом не выказала. К стакану даже не притронулась. Стянула с дивана плед и подушку, унесла в соседнюю комнату и вернулась, на ходу поправляя волосы, собранные в лохматый узел.

– Я еще раз прошу прощения, Ольга Игоревна, – извинился Гуров. – Вы, кажется, были заняты.

– Не занята. Не стоит быть излишне вежливым, Лев Иванович. Я просто не могла прийти в себя. Вино взяла в школе, из учительской. Директор накануне сказал, что после выпускного

все соберемся и нормально попросимся. Только вот теперь сделать это уже не получится. Ну я и стянула бутылку с его стола. Своровала, ага. Да и выпила я совсем чуть-чуть. Когда уйдете – продолжу, так что спрашивайте сейчас, о чем вы там хотели, потому что потом я буду слишком глубоко в себе.

Ее честность пришлась Гурову по душе. Арефьева не выделялась, не пыталась казаться другой и сразу дала понять, что принимать ее необходимо такой, какая она есть на самом деле. Очевидно, что от Льва Ивановича она ожидала того же – открытости.

– А я понимаю, почему вы здесь, – заявила она. – Потому что спустя время события воспринимаются иначе и люди могут что-то вспомнить и помочь следствию. Я права?

– Абсолютно, – согласился Гуров. – Мои коллеги снова поговорят с каждым, кто был этой ночью в школе. Может быть, люди вспомнят что-то, о чем не рассказали полиции. Так что, Ольга Игоревна, все правильно понимаете.

– Я запомнила все четко и ясно, – отрезала учительница. – Ничего нового с тех пор в памяти не всплыло.

– Вам «повезло» первой найти тело Олега Алексеевича, – напомнил Гуров. – Поэтому интерес к вашей персоне особенный.

– Ага, – скептически закатила глаза Арефьева. – Обычно таких, как я, подозревают в первую очередь.

«Нервничает, – понял сыщик. – Но пока что держится. Не знает, что я ей скажу и о чем спрошу. И боится, что не поверю».

– Обычно так и происходит, – согласился Гуров. – Но вы, вызывая полицию, сказали, что учитель истории убит. Вы не сказали, что человеку стало плохо, не позвонили в «Скорую». Согласитесь, Ольга Игоревна, такое заявление прозвучало довольно серьезно. Для него нужны веские основания.

Учительница, все это время стоявшая посреди комнаты, поискала взглядом, куда бы сесть. В сторону дивана она даже не посмотрела – соседствовать с Гуровым ей явно не хотелось.

– Все в порядке? – решил ей помочь Лев Иванович.

– Да. Действительно, и почему же я не позвонила в «Скорую»?

– Да, почему?

– Потому что увидела, что он умер. «Скорая» бы ничем не помогла.

Она ушла на кухню и вернулась с табуреткой в руках. Поставила ее на том месте, где стояла до этого, и наконец села, старательно избегая смотреть на Гурова.

– Вы разговаривали с кем-нибудь из наших? – спросила она. – С учителями, с директором?

– Пока что только с учителем физкультуры.

– О, ну конечно. И что же он вам рассказал?

Она вскинула голову и теперь, уже открыто, посмотрела на Гурова, ожидая ответа.

– Ольга Игоревна, я сейчас беседую с вами, – напомнил Лев Иванович.

– Вы спросили, почему я решила, что Олега убили, – повторила она. – Я не просто так спрашиваю о том, что именно вам наплел наш дорогой и уважаемый учитель физкультуры. А самое прикольное, знаете в чем? В том, что я до поры, до времени считала физрука хорошим другом.

– И что же между вами произошло?

– Вот уж кто постоянно издевался над Шлицманом. Об этом он вам тоже рассказал или тактично умолчал, выставляя себя исключительно с положительной стороны?

– Нет, об этом он ничего не говорил, – осторожно ответил Гуров.

– Разумеется, – презрительно улыбнулась Арефьева. – А налью-ка я себе еще стаканчик. Как вы на это смотрите?

– Отрицательно, – твердо произнес Лев Иванович. – Потерпите, пока я уйду.

– Да не стану, не бойтесь, – продолжила Ольга Игоревна. – Не могу я столько пить... Просто...

Вот этого Гуров и не хотел сейчас больше всего – истерики. Тогда и разговора не получится. Но это с одной стороны. С другой же, находясь в расстроенных чувствах, человек порой выдает такие ценные факты, о которых никому и никогда бы не рассказал. Каждый раз, оказываясь перед выбором, Гуров ломал своего внутреннего мента, который настойчиво требовал любым способом добыть желаемое. И надо сказать, не всегда одерживал над ним победу. Но в случае с женщиной, которая с трудом справлялась с собой, он все же решил остаться человеком.

– Выкладывайте как есть, Ольга Игоревна, – разрешил он. – Можете даже в выражениях не стесняться.

Арефьева пару раз шмыгнула носом, но слезы на ее лице так и не появились.

– Нечего мне скрывать. Все они убивали его. Морально, психологически – как хотите. Вот он и не выдержал.

– То есть вы рассматриваете суицид?

– Даже если так, то его заставили это сделать. Довели.

– У него были проблемы со здоровьем?

– Не было.

– Точно знаете?

– Не было же, говорю, – уже громче повторила Арефьева. – Сам как-то сказал, что сердце у него, как ни странно, работает как часы. И у врача он недавно был. Я сама его уговорила обследоваться. Ничего серьезного по анализам не нашли.

– Понятно. Понимаете ли, Ольга Игоревна, Олег Алексеевич Шлицман был убит в прямом смысле этого слова, – произнес Гуров. – Скончался от последствий полученной травмы головы.

– Он же не сам упал и ударился, верно?

– Не похоже, чтобы сам, – ответил Гуров. – Поэтому прошу вас изъясняться точнее. Если вы кого-то видели прошлой ночью или что-то слышали, или что-то знаете, то я бы также хотел быть в курсе.

Арефьева принялась пристально рассматривать свои ногти. Тот, что на среднем пальце правой руки, был сломан.

– Не видела, не слышала, не знаю, – подумав, тихо сказала она. – Даже если бы я что-то заметила, то не придавала бы значения, потому что человек я не наблюдательный. К тому же и музыка громко играла, и дети смеялись. Не прислушивалась, понимаете? Все так и было, как я сказала. Искала его живым, а нашла мертвым. Но его смерть я вижу как логическое завершение целой череды событий. Но откуда вам все это знать? Я работаю в школе одиннадцать лет, но знаю... знала его лучше остальных – могу в этом поклясться. Все очень изменилось именно за последний год.

– Что же именно изменилось, Ольга Игоревна?

– Его поведение. Будто бы Шлицман был костью в горле директора.

– А в чем это проявлялось?

– А это же видно. Директор будто не уважал Олега Алексеевича. Смотрел мимо него.

– То есть подробностей вы не знаете? Все это исключительно ваши наблюдения?

– Да. Но можете мне поверить, так и было. Но Немирович и сам скользкий тип. Выделял богатеньких детишек, заставлял уделять им внимание, ставить хорошие отметки, награждать грамотами, а детей из обычных семей никак не выделял. Отвратительное зрелище. Но моих коллег это, кажется, не волновало. Каждый был сам за себя. То, что случилось в библиотеке, можно считать итогом массового проявления малодушия и элементов приспособленчества. Как вам такая версия?

Гуров понимал. Как и то, почему именно Арефьева нашла общий язык с жертвой. Они были очень похожи. Одинаково воспринимали действительность, одинаково страдали от того, как все несправедливо устроено. Но действительно ли все было так ужасно, как рассказывает Ольга Игоревна?

– Я когда с ним познакомилась, то сразу увидела в нем вот этот внутренний протест. Его крутило от всего, что было общепринятым. Правда, раньше он еще хоть как-то сдерживался. Например, день рождения у Бегунова. Это учитель по физике, он уволился два года назад... ну я как пример привожу, ладно? Бегунов и Шлицман не особо ладили. Бегунов был высокомерным, считал многих учеников тупыми, а себя мнил недооцененным ученым, который вынужден прозябать... и так далее. Шлицман над ним откровенно посмеивался. Итак, день рождения. Замдиректора собирает на стол, чтобы после уроков поздравить именинника. Уже и подарок ему купила. Соответственно, деньги брала из личного кошелька и попросила возместить траты. Обычное дело, кстати. Все сдают деньги молча, а Шлицман заявляет, что для Бегунова он ничего делать не будет, а деньги вернет Тамаре Георгиевне только из-за того, что уважает ее труды. Она ему: «Как же так можно, Олег Алексеевич? Он же ваш коллега». Но Шлицман только поморщился и спрашивает: «А сколько я должен?» Замдиректора говорит, что собирает семьсот рублей за подарок и триста рублей за накрытый стол. Шлицман отдает ей тысячу рублей и говорит: «От меня подарок ему не дарите. Я сам бы ему ничего дарить не стал. А это вам за хлопоты». Ну и как вам такое?

– Непростая ситуация, – улыбнулся Гуров.

– Непонятная. Он вообще не ладил с людьми. К нему тоже мало кто обращался – а вдруг пошлет ненароком? Только с детишками Олег был настоящим. Добрым был, понимающим. Моих первоклашек, помнится, возил гулять на Патриаршие пруды, читал им там отрывки из «Мастера и Маргариты», сценки на набережной разыгрывали. Прохожие умилялись: как это мило, но разве дети могут понять Булгакова? А Шлицман отвечал, что дети все понимают с самого рождения, только сами не знают об этом.

С ним было интересно вне стен школы, но как только он оказывался внутри нее, то сразу менялся. Ходил с таким видом, словно у него вечно болит живот – слегка нагнувшись вперед. Зато в класс заходил с восхитительно прямой спиной...

– Он всегда был таким?

– Нет же, говорю вам, – возразила Арефьева. – Он был проблемным человеком, с этим не поспоришь, но с ним хоть как-то можно было общаться. Но в сентябре прошлого года все стало совсем плохо. За месяц до этого у него умерла жена. Оказывается, она несколько лет тяжело болела, но об этом никто не знал. Он отправился в отпуск с нашими детьми, а когда вернулся, то ей оставалось жить совсем чуть-чуть.

– И вам об этом не рассказал?

– Со мной он поделился, но просил не болтать. А я разболтала. Потому что считаю, что об этом коллеги должны были знать. Шлицман потом со мной неделю не разговаривал. Позже оттаял, конечно, когда я ему все объяснила... Как бы вам поточнее сказать... Я бы назвала его социальным мучеником с тонкой и ранимой душевной организацией. Пусть это прозвучит как сарказм или как готовый диагноз, но за этими холодными острыми словами стоит настоящая человеческая трагедия, а еще ум, честность и абсолютная преданность своему делу. Он был неспасаемым и очень принципиальным. Таких терпеть не могут, им всегда трудно в обществе.

Выпалив все то, Ольга Игоревна на мгновение прижала ладонь ко рту, но быстро взяла себя в руки.

– Что-то произошло прошлым летом, – пробормотала она. – Что-то, что сломало его окончательно.

– Он с вами, конечно, не поделился?

– Нет, – покачала головой Арефьева. – Несмотря на то что называл меня по имени и в редких случаях мог признаться, что, например, не выспался ночью, или попросить таблетку от головной боли. Про жену рассказал мне сам, я его о личной жизни даже не спрашивала. А я, дура, из лучших побуждений слила его тайну коллегам. Но я правда хотела как лучше.

Вентилятор внезапно издал странный звук, который можно было бы назвать утробным, и затих. В комнате резко установилась звонкая тишина.

– Перегрелся. Скоро заработает, – объяснила Арефьева. – Умная штукавина, которая живет наперекор своему создателю.

– Или по задуманному создателем сценарию, – добавил Гуров.

– Но я не создатель, поэтому мы с вентилятором вечно удивляем друг друга, – слабо улыбнулась Арефьева.

– Прошлым летом, как вы сказали, учитель истории овдовел, – напомнил Лев Иванович. – Его могла подкосить смерть жены. После этого он очень изменился. Я все правильно понял?

Арефьева приложила ладонь к корпусу вентилятора и тут же отдернула руку.

– Было еще что-то. Первого сентября Шлицман спросил меня, как я провела лето. А я толком и не отдыхала, потому что помогала сестре с маленьким ребенком, мы оставались в Москве. Ну и рассказала ему об этом. Спросила и про его отпуск. Я уже знала, что он был на базе отдыха со старшеклассниками. Он любил путешествовать, часто мотался с детьми то по московским переулкам, то по маленьким русским городам. Так вот, он ответил, что все прошло совсем не так, как он ожидал, но подробности мне знать не надо. Я повторю, чтобы вы не пропустили этот момент: он сделал упор на том, что в подробности посвящать меня не будет. Сказал примерно следующее: «Нам всем будет очень сложно в новом году, но вас это не коснется». И добавил, что ложь может уничтожить все самое лучшее в людях. Конечно, я удивилась. Какая ложь? Почему это меня не коснется? Решила, что это он снос школьного здания имеет в виду. Понимаете, школа готовилась к переезду, мы все тоже морально готовились покинуть это место, кто-то переживал больше, кто-то меньше, но факт остается фактом – для многих школа была родной. Я и подумала, что он про нее говорит. А теперь понимаю, что вряд ли. Он что-то другое имел в виду. Насчет лжи так ничего и не поняла.

– И вы не уточнили?

– Не-а, – мотнула головой учительница. – С Олегом только так и можно было общаться. Что понял, с тем и живи. Тогда расспросы с моей стороны остались в прошлом, я быстренько усекла, что он не болтун и мне о многом придется догадываться самой.

– И все же, Ольга Игоревна, почему вы решили, что Олега Алексеевича именно убили?

– Думаете, я глупая баба и любитель трагедий? Думаете, что я преувеличиваю и накручиваю себя? Нет уж, Лев Иванович, отнеситесь к моим словам серьезно.

– Именно это и делаю, – уверил ее Гуров.

– Тогда послушайте. Я чувствую, – понизила голос Арефьева. – Просто чувствую, что его убрали. Но кто – я даже предположить не могу.

Глава 5

– Невразумительный какой-то ответ, – заметил Орлов, собрав Крячко и Гурова в своем кабинете следующим утром. – Что значит «чувствую»? Я тоже много чего чувствую, но нужно знать точно, а не чувствовать. Нужно подтверждение своей гипотезы. А то чувствует она, видите ли...

– В показаниях Арефьевой есть смысл, – проговорил Гуров, машинально постукивая пальцами по столу. – У Шлицмана было отменное здоровье. Да-да, несмотря на то, что он конкретно и давно употреблял алкоголь.

Крячко, куривший возле окна, потушил сигарету и сел на соседний с Гуровым стул.

– И пил он практически постоянно, – вставил он.

– И это тоже, – добавил Лев Иванович. – В школе часто его видели нетрезвым. Однако где-то в марте Ольга Игоревна уговорила его пройти диспансеризацию. Не знаю, как ей это удалось, если учитывать манеру общения Шлицмана с другими коллегами. Он же совершенно не поддавался на уговоры. Но Арефьева как-то смогла его уболтать. Так вот, она утверждает, что сердце у него было крепким, а на здоровье он не жаловался. Организм оказался сильнее, чем предполагалось. Иными словами, он мог бы бухать еще долгие годы, прежде чем почувствовал бы на себе негативное влияние от употребления спиртного.

– Она видела его медицинскую карту? – недоверчиво спросил Орлов.

– Он сам ей рассказал. Но я сегодня с утра заскочил в поликлинику, поговорил с заведующей отделением, и сведения подтвердились. Шлицман действительно недавно обращался в районную поликлинику с жалобами на изматывающие головные боли, по этой причине прошел небольшое обследование. Как ни странно, но в целом его организм оказался довольно крепким. Даже печень оказалась в порядке. Терапевт выразилась ясно: он мог бы прожить еще очень долго. Никаких лекарственных препаратов ему прописано не было, а головные боли списали на скачки давления, что в его возрасте вполне нормально.

– Удивительно, что он вообще пошел по врачам, – заметил Крячко. – С его-то наплева-тельским отношением к себе и окружающим...

– Терапевт была знакома с его женой, знала о ее болезни. Она предполагает, что внешне Шлицман неплохо держался после смерти супруги, но в глубине души мог бояться, что с ним случится то же самое. Такое не редкость среди родственников пациентов, которые тяжело больны. Вероятно, дело было в этом.

– Я вас умоляю, – скривился Крячко. – Идеально здоровые, как правило, и умирают внезапно. Без каких-либо предпосылок. Вышел из кабинета врача здоровым, пришел домой и умер. Такие случаи не единичны. А тут у нас что? Немолодой и нервный мужик с проспиртованными внутренностями. Да ему сам бог велел.

– Только вот умер он не от того, что у него в организме какой-то сбой произошел, – напомнил Гуров. – Помнишь, что Дроздов сказал? Что его головой о подоконник приложили.

– Ну если мы уже на сто процентов уверены в том, что причина смерти – подоконник, то ладно. Ладно! – поднял руки Стас. – Но от чего-то же его стошнило перед этим. Алкашом он был опытным, вряд ли страдал от похмелья. Как насчет отравления?

Орлов ослабил узел галстука и снял трубку стационарного телефона.

– Судмедэксперту привет передавай, – бросил через стол Крячко.

Орлов начальственным жестом заставил его замолчать. Жестикулировать он, однако, умел – любой, над кем он величественно простирал персты, спотыкался на ровном месте и не отвечивал. Бывало, люди даже впадали в некую растерянность. Но Гуров и Крячко давно не тушевались при виде начальства, что, конечно, не отменяло уважения к старшим. Поэтому

оба молчали и терпеливо ждали того, что будет дальше. Ответа с того конца провода Орлов ждал долго.

– Алло? – наконец оживился он. – Валера, ты? Привет! Петр Николаевич Орлов беспокоит. Дроздов на месте? Что?.. Да, конечно. А? Уже пишет?.. Слушай, передай ему, что мы тут ждем заключение. Очень ждем. А что он там пишет-то, не говорил?.. Ну ладно, ладно. Пусть, когда закончит, кого-то отправит ко мне в кабинет с этой бумажкой. Сделаешь? Спасибо... Да, копия вполне устроит. И вообще – можно даже на словах. Ну или пусть сам позвонит мне, тут без разницы... Понял... Понял. Благодарю.

– Сейчас Дроздов назовет точную причину смерти, если уж кое-кто до сих пор сомневается, – сказал Орлов и покосился на Стаса. – А пока ждем, то расскажи, как ты провел последние пару дней.

Крячко с готовностью подался вперед, сложил руки на столе, будто сидел за школьной партой.

– Всех опросил еще раз. К одним даже на дачу съездил, – начал он. – Правда, все впустую. И алиби свое все подтвердили. Каждый был на глазах у других, фото в телефонах я тоже сверил, видео всякие просмотрел. Везде все сходится. В тот момент, когда Шлицман был в библиотеке, подавляющее большинство гостей находилось либо в актовом зале, либо еще где-то, но обязательно с кем-то в компании. Насчет мотива убийства, Петр Николаевич, пока ничего не могу сказать. Но практически все родители и дети отзываются о жертве в принципе положительно.

– Подавляющее большинство? – Орлов слегка повернул голову в сторону, будто прислушиваясь. – Значит, кто-то потерялся?

– Кое-кого просто пока что не успел охватить. Главу Управы Серова, директора школы Немировича и учительницу начальных классов Ольгу Игоревну Арефьеву, – перечислил Стас. – Лев Иванович подтвердит, что все вышеперечисленные дали показания в ночь убийства, но были в состоянии психоэмоционального стресса. Вот как раз с ними и стоило бы пооткровенничать еще разок, но теперь уже на трезвую голову. Остальные ушли после торжественной части мероприятия, а кто-то из педагогов вообще не явился на праздник. Ну и кое-кого из детей надо охватить. С замдиректора я бы тоже поговорил, она давно работает в школе и убитого знала хорошо. Кстати, совсем забыл... – Он вынул из кармана скомканный магазинный чек, на обороте которого было что-то написано шариковой ручкой. – Олеся Серова, Данила Кольцов и Виктория Ольшанская, – зачитал он.

Орлов непонимающе посмотрел на Стаса.

– Дети же, – пояснил Крячко. – Именно их и видели гуляющими по коридору незадолго до убийства.

– Кто их видел? – не понял Гуров. – Не помню, чтобы мне об этом кто-то рассказал.

– Могли и не рассказать, народ все-таки на нервах был, – пожал плечами Стас. – А я, пока ты с протоколами возился, окучивал родительский комитет. Очень внимательные там люди, Лева. Детишки были замечены кучкующимися невдалеке от актового зала. Сказали, что просто решили отдохнуть от громкой музыки и всеобщего внимания.

– Ты что, на чеке их имена записал? – вздернул брови Орлов.

– А я, Петр Николаевич, с папками по свидетелям не хожу, – ответил Крячко. – Иначе со мной и говорить будут по-другому, а не так, как нам всем хотелось бы. Имена запомнил, а записал уже после того, когда сел в машину. Кроме чека под рукой ничего не оказалось.

– Видел я этих... детей, – вспомнил Гуров. – Выползли из женского туалета, где тайком от взрослых отмечали выпускной. Я сам встретил эту тройцу, но на тот момент Шлицман был еще жив. Мы вместе с ним выходили курить... А дети, получается, не один раз выходили из актового зала?

– Получается, – согласился Крячко. – Их контакты у нас есть.

– Так что там с Серовым? – спросил Лев Иванович.

– Да ничего с Серовым, – Стас свернул чек в трубочку. – Он, кажется, там главный кормилец. Такие в первую очередь должны быть охвачены и отработаны.

– Серов был на выпускном с женой, их тоже беру на себя, – решил Гуров. – Директора тоже бы допросить следовало. Но пока что картинка следующая: Шлицман друзей не имел, часто выказывал недовольство по разным поводам, но при этом дело свое знал и любил. Мотива для убийства я пока что не увидел. Опросил вчера Арефьеву и учителя физкультуры, и оба не имеют явного мотива для убийства. Что касается алиби, то работаем над этим вопросом. Нутром чую, что они к смерти учителя не причастны.

Открылась дверь. Судебно-медицинский эксперт Дроздов остановился на пороге и привалился плечом к косяку, с несчастным видом глядя на сыщиков.

– У тебя такой вид, словно ты провел ночь на кладбище, – вместо приветствия произнес Крячко.

– И как ты угадал? – язвительно поинтересовался у него Дроздов.

– Присядешь? – спросил Орлов.

– Нет. Домой. Зашел сказать, что результаты вскрытия еще не оформил. Все завтра. Но вам же нужно с чем-то работать? Поэтому дела такие: вашему клиенту был нанесен сильный удар тупым твердым предметом по затылку. Мозг пострадал капитально. Отсюда, скорее всего, и рвота.

– Скорее всего? – удивился Орлов. – То есть результаты неточные? Ты что, родной? Смеешься?

Дроздов закрыл глаза, показывая, что зверски устал от всего на свете и кому-то что-то объяснять для него сейчас подобно страшной пытке.

– Тошнит человека не только после получения удара по голове. Это если ты не знал, Петр Николаевич. Сердечный приступ тоже может вызвать тошноту и рвоту. От инфекций различной этиологии также может тошнить, и это я максимально упростил путь от причины до следствия. Мигрень, укачивание. Стресс. А еще таким способом организм сообщает об интоксикации. И как я могу обнаружить точную причину за сутки с небольшим?

– О! Я про это и говорил, – обрадовался Стас. – Ну... про отравление.

Дроздов открыл глаза и окинул сыщиков мутным взглядом.

– Анализ на токсикологию скоро будет готов, – недовольно произнес он. – Это все. Вечером продолжу. А сейчас мне просто необходимо выспаться.

– Давай, друг, – пробормотал Орлов. – Отдыхай. Нам без тебя совсем никак.

– До встречи.

Дроздов отлепился от косяка и ушел. Никому из присутствующих в кабинете и мысли в голову не пришло его останавливать. Дроздову можно было верить, а документы, как он сам сказал, дело наживное.

– Помню один случай. Я тогда только-только в розыск пришел, – заговорил Орлов, все еще глядя на то место, где только что стоял Дроздов. – Во время уличной драки мужика убили. Врезали так, что упал, ударился головой о бордюр и умер. Виновного тут же арестовали. Казалось бы, все ясно и понятно, что тут еще искать? Но следователь, который занимался этим делом, неожиданно уперся. Сказал, что не должно так легко все сложиться. Помню, как наши пальцем у виска крутили, глядя на него. А он тогда прямо насел на судебно-медицинского эксперта: нужно, говорит, четкое подтверждение, что смерть наступила именно от удара головой о бордюр. И что вы думаете? Вскрытие показало, что мужик умер за долю секунды до того, как его голова коснулась земли. Тромб оторвался. И не вследствие ударов по телу, а сам по себе. Вот так-то. Так что убитый в любом случае был не жилец. Обвиняемого освободили прямо в зале суда. Этот случай, кстати, до сих пор оперативники вспоминают.

– А фамилию того следователя, наверное, уже и забыли, – усмехнулся Гуров.

Орлов качнулся вперед, положил руки на стол и сцепил пальцы в замок.

– Давай, Лев Иванович, поговори со всеми, кого наметил. А ты, Стас, неси сюда все чеки из магазинов, которые найдешь. Тащи, не стесняйся. Будем разбираться в том, что и почему ты купил.

Семья главы Управы жила на западе Москвы, в Шмитовском проезде, в котором половина зданий была новостроем, но все равно он выглядел уютным из-за сохраненных старых деревьев, упиравшихся макушками в балконы третьих, а то и пятых этажей. С парковкой дела здесь обстояли плохо, и Гурову пришлось помотаться по дворам, прежде чем он нашел местечко для своей машины.

Серовы должны были ждать его к четырем часам дня. Сам Серов ради этого обещал пораньше вырваться с работы.

Первым, на что обратил внимание Гуров, когда переступил порог, была температура воздуха. В квартире было совсем не жарко. Супруга Серова сразу же пригласила сыщика в просторную комнату с желтым диваном и с золотистыми нитями занавесками.

Обстановка на удивление оказалась совсем не роскошной. До того Гурову казалось, что он попадет в дом к человеку, который ценит дорогой комфорт. Но на деле все выглядело иначе. Мебель была стильной, цветовая гамма не резала глаз, а на полу вопреки моде на ламинат разлегся мягкий песочного цвета ковер.

– Не разувайтесь, – предупредила Гурова Ирина, заметив, что он замешкался, глядя на напольное покрытие. – Когда ты в гостях снимаешь обувь, то чувствуешь себя всегда неудобно, правда?

– Правда, – согласился Лев Иванович, опускаясь на диван.

– Лимонаду? Воды? Кофе?

Неожиданно ему захотелось кофе. Было бы здесь душно, он бы даже и не вспомнил о нем, но вдруг понял, что не прочь выпить.

– А я как чувствовала, – улыбнулась Ирина. – Приготовила заранее. Сейчас принесу.

Кофе оказался великолепным и идеальной температуры. И даже сахара в нем было ровно столько, сколько нужно.

– Каплю молока?

– Нет, спасибо. Все отлично.

Ирина села за стол, за которым, очевидно, семья Серовых ужинала в полном составе, поскольку на кухне, как успел краем глаза заметить Гуров, проходя мимо, он ничего похожего на стол не заметил.

– Юра скоро будет, – оповестила она. – Вы, наверное, забыли нас о чем-то спросить?

– Мы можем начать разговор и без него, – ответил сыщик, с опаской держа в руке малюсенькое блюдо с крохотной чашечкой эспрессо.

– Идите за стол, – спохватилась Ирина. – У меня совсем с головой плохо.

Гуров, затаив дыхание, без приключений донес кофе до стола.

– А вас не продует? – не унималась Ирина. – Кондиционер же прямо в спину дует.

– Ничего не чувствую, – покачал головой Гуров. – Я сейчас в раю, поверьте.

– Не знаю, чем вас и занять до прихода мужа.

– Ирина...

– Без отчества. Я девушка молодая еще, – грустно улыбнулась Серова.

– Бесспорно. Тогда задам вам несколько вопросов.

– Но я-то разве могу вам помочь?

– Но вы же тоже присутствовали на выпускном, – напомнил Лев Иванович.

– Ну... да, – растерялась Ирина. – Правда, ничего нового, наверное, не расскажу.

– Наверняка что-то найдется, – не согласился Гуров. – Например, ваш разговор с учителем истории.

Ирина растерялась еще больше и уставилась на сыщика непонимающим взглядом.

– Ах да, – вспомнила она. – Мы пообщались, это правда. Жаль, а я так надеялась, что всем на нас плевать.

– Почему же?

– Чтобы не связали наш разговор с нашей дочерью. Люди у нас «добрые», а муж занимает высокий пост. Мы говорили про дочь. У Олеси в школе были проблемы. Люди могли услышать, а потом: додумают, станут оговаривать. Не хочу. Давайте подождем мужа. Пожалуйста. Он скоро будет.

Сказав это, Ирина тщательно провела ладонями по столу, словно смахивая пыль со столешницы. Но Гуров видел, что никакой пыли на самом деле на столе не было.

Он не понял, о чем она говорит, но был рад тому, что сам факт застольного общения отрицать не стала. Бывало в его практике и так, что очевидное отрицалось свидетелем или преступником, и полицейским приходилось прилагать немалые усилия, чтобы разобраться во всем самим, потому что терять время, обличая кого-то во лжи, не хотелось. За все годы службы в уголовном розыске в глубине своей ментовской души Гурову удалось взрастить фобию, название которой он так и не придумал. Суть ее заключалась в том, что тот, кто так или иначе имел касательство к преступлению, вдруг начинал отказываться от своих слов или действий, несмотря на то что находилось немалое число свидетелей обратного. Устав от общения с такими кадрами, теперь Гуров мигом перебрасывал их Стасу Крячко, а уж у того разговор был коротким, но содержательным – после него даже обломок кирпича мог бы в красках описать свою юность. Способность Стаса выбивать из людей правду можно было расценивать как угодно и называть ее по-разному, но тот, кто хотя бы раз видел, как Стас обрабатывает «материал», не мог не признать, что Крячко работает не руками, а головой – да так, что остается только завидовать.

Сейчас, сидя за одним столом с Ириной Серовой и попивая приготовленный ею кофе, Гуров уже знал, что эти двое будут заодно. Муж и жена не только одна сатана, а сатана в квадрате, а это значит, что приглядывать за ними нужно будет в два раза пристальнее. Ирина прятала взгляд, невпопад улыбалась, мяла свои пальцы над столом, посматривала в окошко, потом вдруг, чтобы убить время, завела что-то о погоде, засухе и гипертонии. Гуров слушал и кивал. Он тоже ждал Серова.

Глава Управы явился довольно скоро. Ирина услышала звук открываемой двери, выскочила в коридор, что-то тихо сказала мужу, и вот он уже сам стремительно вошел в комнату. Так и зашагал к Гурову от порога, держа вытянутую руку.

– Рад видеть, рад видеть... Ира, а ты спросила у гостя, не холодно ли ему?

– Да я тут как в раю, – перебил хозяина дома Гуров. – Но только ради меня стараться не нужно.

– Юра никогда не мерзнет, – ответила Ирина из кухни. – И я тоже. И дочь наша такая же.

Дочь. Гуров не сразу заметил в стене дверь, ведущую, очевидно, в комнату Олеси. Стена вообще была декорирована удивительным образом, Гуров такого раньше нигде не видел. На нее наклеили даже не обои, а некое панно с выступающими деталями на рисунке. Никакого повторяющегося узора на обоях не было, но на всем полотне изображалась пустыня, где стояли низкие белые глинобитные постройки, напоминающие то ли арабские деревенские дома, то ли древнеегипетские. Дверь в комнату Олеси совпадала с дверью одного из домов на рисунке, и Гуров наверняка был не первым, кого удивила эта дизайнерская находка.

Серов заметил удивление гостя.

– Фото сделано незадолго до обострения арабо-израильского конфликта в две тысячи четырнадцатом году. Знакомый фотокорреспондент был там в это время и успел выбраться из страны незадолго до начала военных действий. Некоторые фото в редакции не приняли, и когда я их увидел, то понял, что они очень здорово будут смотреться не только на журнал-

ных страницах. А мы как раз ремонт дома затеяли. Вот я и подумал, что обыкновенная дверь в обыкновенной стене, покрытой обыкновенными обоями, – это очень скучно. Нашел контору, где фото перевели на покрытие и выделили некоторые детали.

– Обои в 3D, если коротко, – добавил Гуров.

– Не совсем, – снисходительно улыбнулся Серов, намекая на исключительность своей идеи.

– Смотрится красиво, – подыграл ему Лев Иванович.

Серов снял пиджак и бросил его на диван.

– Смотрю, Ирина вам кофе предложила, – сказал он.

– Надеюсь, что не последний в доме, – ответил Гуров.

– Невежливый я черт, – расстроился Серов. – Да я просто хотел сказать, что тоже не отказался бы. Составите компанию?

– Я бы повторил, – не стал кокетничать сыщик. – Кофе хорош. Где берете?

– У знакомых. Кофе из Эфиопии. Ира, приготовишь нам еще?

– А ты думаешь, что я на кухню просто так ушла? – крикнула Ирина.

Разговор постоянно откладывался. Сначала ждали Серова, потом когда он появился, то отвлеклись на обои, теперь вот снова на кофе. Гуров понял, что пора брать ситуацию в свои руки.

– Давайте поговорим, – просто предложил он. – Может быть, и без кофе получится.

– Конечно, – лицо Серова мигом посуровело. – Извините. Разумеется.

Он упал на диван, небрежно отбросив в сторону пиджак.

– А я знаю, зачем вы пришли, – заявил глава Управы. – Хотите знать подробности того вечера, так? Ведь давать показания – это совсем другое. Сухой язык не заменит человеческого общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.